

Б И Б Л И О Т Е К А

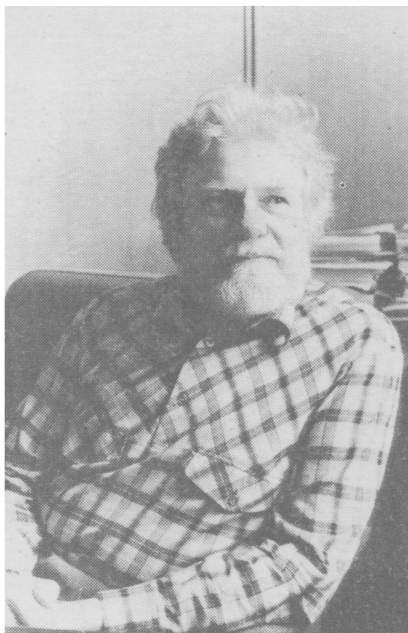
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 51

1990

Андрей НУЙКИН

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

**ОХ, СОЦИАЛИЗМ,
СОЦИАЛИЗМ!..**

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 51

Издается с января 1925 года

Андрей НУЙКИН

ОХ, СОЦИАЛИЗМ,
СОЦИАЛИЗМ!..

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1990

Андрей НУЙКИН

Андрей Александрович Нуйкин родился в 1931 году в городе Новосибирске. В 1953 году там же окончил педагогический институт. Служил в армии, работал собкором «Комсомольской правды» по Новосибирской, позже — по Куйбышевской областям. С 1963 по 1966 год учился в аспирантуре. После защиты диссертации работал спецкором «Правды», заведующим отделом журнала «Детская литература», старшим научным сотрудником ИНИОН АН СССР и ВНИИ искусствознания, сейчас — заместитель директора ВНИИ киноискусства Госкино СССР

Член Союза журналистов и Союза писателей, сопредседатель Московской ассоциации «Апрель». Автор тринадцати книг и большого количества критических, научных и публицистических статей. Лауреат премии Союза журналистов СССР за 1989 год.

В эту книжку вошли три публицистические статьи А. Нуйкина, опубликованные в «Огоньке» в 1989—1990 годах и вызвавшие широкий отклик у читателей.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

КО ВСЕМ БЮРОКРАТАМ, КОРРУПЦИОНЕРАМ, ВЗЯТОЧНИКАМ, ВОРОТИЛАМ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА, ДЕЛЬЦАМ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ, МАФИОЗИ И ПРОЧИМ ЗАХРЕБЕТНИКАМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Дамы и господа!

Давайте, как это и полагается деловым людям, поговорим начистоту, «без эмоций», как не устают нас призывать руководители партии и правительства. Положение наше — дрянь! И ваше — тоже. В каком-то отношении ваше даже хуже, ибо мы-то уже осознали, что дальше так жить невозможно, вы же все еще питаете на этот счет юношеские иллюзии. Боюсь, что подобное легкомыслие плохо для вас кончится. И для нас тоже? Разумеется. Но для вас-то это будет слабым утешением.

Чем я вас пугаю? Уж не Съездом ли народных депутатов и комиссиями Верховного Совета? Нет, разумеется. Закон о выборах разрабатывался правоведами с учетом всех ваших высказанных и невысказанных пожеланий, так что Съезд для вас пока чрезмерной опасности не представляет.

«Новым» правительством я грожу? В старом председатель Госкомцен Павлов проводил, не таясь, откровенно антинародную политику, о которой писать можно много, но приведу только одну фразу из тех, что звучали в печати: «Ни в одной стране нет такого позорного явления, как пятикратная наценка на сырье для кооперативов, где работают и получают зарплату в основном дети...» В «новом» правительстве Павлов занял одну из ключевых позиций — министра финансов. Такой «новизной» вас не напугать, я понимаю. Комиссии?.. Если в Комитете по вопросам обороны и государственной безопасности из 38 человек семеро — военных, девятнадцать — представляют военно-промышленный комплекс, двое — КГБ, а пятеро — секретари обкомов, то принимать на ночь люминал вам нет необходимости. И «неуклонно растущей активностью трудящихся», их готовностью грудью встать за правовое государство, демокра-

тию, равенство и братство я вас пока устрашать не буду. В конечном счете ваша погибель predetermined, спору нет, именно ростом активности широких слоев населения, но в конце чего появится этот «конечный счет»? — вот в чем вопрос. Активность — штука обоюдоострая, особенно при дефиците разума и культуры. Мировые демократии утвердились в результате активности масс, но и Гитлер со Сталиным своих политических противников глушили ею же.

Не успели мы порадоваться неожиданной зрелости и организованности шахтеров-забастовщиков, как в газеты и в Верховный Совет хлынул поток писем наших старых знакомых — «трудящихся». Тех самых, похоже, что не так давно учили патриотизму Твардовского.

«Что произойдет с нашей Родиной, если весь народ будет добиваться решения своих проблем путем забастовок? — со скорбным пафосом вопрошают забастовщиков труженики колхоза «Россия». — По-вашему, селяне должны сгноить хлеб, умертвить скот и т. д.? Одним словом, создать искусственный голод 33-го и 47-го годов?»

Далее колхозники красочно описывают, насколько их жизнь беднее и бесправнее жизни шахтеров, и, гордясь собою, сообщают, что, несмотря на это, они, как и «все добросовестные люди», не бастуют, а терпеливо «ждут от правительства, Верховного Совета СССР и народных депутатов решительных действий по наведению порядка в нашей стране».

С какого именно года они заняты своим патриотическим ожиданием — с 1933-го или с 1947-го — колхозники не оговаривают. Думается, с 1929-го. Наверное, вы (вслед за крестным отцом всех времен и народов) очень высоко цените два главных качества простых русских людей — их терпеливость и почтительность к уполномоченным. Цените, но не очень уважаете. Сталин, рассказывают, погуливая в поскрипывающих «штиблетах» над мертвым Лениным, говаривал своим сообщникам, тоже «верным ленинцам» (после окончания парада и перед началом демонстрации): «А сейчас бараны пойдут!..» Увы, триста лет монголо-татарского ига плюс триста лет крепостной кабалы, достойно увенчанных тридцатью годами сталинского «социализма», похоже, изменили формулу нашей крови, выродили наши души. Даже представители бюрократического аппарата, выслушав забастовщиков, признали, что у них не было выбора, что их вынудили, спровоцировали на крайние меры. А братья по классу только что в открытую не называют их врагами народа, проводя прозрачную параллель с теми, кто когда-то, ненавидя социализм, нарочно гноил хлеб, умерщвлял скот с целью создать искусственный голод. И добро бы не знали труженики колхоза «Россия», в результате какой «забастовки» был организован голод 33-го года! Знают, но слишком глубоко в кровь и плоть нашу вошла жажда бескорыстно потрафить начальству, цыкнуть на того, кто раньше других пробует поднять голову и расправить плечи.

Нет, не стоит закрывать на правду глаза — народной темноты и готовности услужить сильным мира сего на ваш век еще вполне может

хватить. А (действительно быстро растущую) активность народа можно ведь умело направить и против перестройки. Например, взять и усыкать его на кооператоров, которые-де по ночам кровь христианских младенцев фужерами хлещут, или натравить на иноверцев и инородцев, дескать, тайные интриги эти негодяи плетут, должности самые хлебные и земли самые плодородные захватывают и вообще — кушают слишком много, оттого и продуктов в стране не хватает.

Шахтеры-забастовщики нагнали на вас страху своей организованностью, но... можно ведь и тут инициативу перехватить. Есть ведь уже какой-никакой опыт Зубатова, интерфронта, ленинградского ВФТ, ОФТ...

Чем же я вас все-таки собираюсь напугать? Новой выборной кампанией? Но чего вам бояться избирательных урн в стране, в которой не оказывается ни единого органа, ни единой общественной организации, которые хоть немножко бы взволновались, узнав про подтасовки, махинации и фальсификации при выборах высших органов власти (как это было при выборах народных депутатов)! Ну, а если уж «игра в демократию» обретет действительно опасный для вас характер, то вы ведь вполне можете однажды перестать «поступаться принципами» и не побояться крутых мер, чтобы пресечь сползание социализма в болото буржуазной псевдодемократии.

Правда, М. С. Горбачев на Съезде депутатов заверил общественность, что разговоры о вероятности дворцового переворота ни на чем не основаны. И Борис Ельцин использовал свой авторитет, чтобы успокоить на этот счет пугливые «московские круги»: «Могу заверить вас, что государственный переворот невозможен. Ни со стороны военных, ни со стороны отдельных членов Политбюро» («АиФ», 1989, № 27).

Приятно такое услышать, но... Политика — дело деликатное. Как говорится, хочешь слышать приятные ответы, не задавай неприятных вопросов! Что и кто, собственно говоря, способен помешать произвести переворот, если уж вам очень того захочется?

ВЦСПС поднимет всех трудящихся на баррикады? Три «ха-ха», как острили во времена моей юности. Профсоюзы у нас не для того государством созданы. Они у нас не университеты борьбы, а «школа коммунизма». При коммунизме же, как точно установлено, конфликтов быть не может, стало быть, и учиться в «школе коммунизма» надо только мирным профессиям: снабженца, например, или там банщика, официанта... Корреспондент «Правды» так вот писал из Кемерова в дни антипатриотической акции шахтеров: «Один из выступающих спросил: куда же подевались в дни забастовки профсоюзные вожаки? Ответил ему находившийся здесь же, на митинге, председатель ЦК профсоюза угольщиков М. Сребный. Ответил, что профсоюзы в эти дни находятся вместе с горняками — налаживают питание бастующих на площадях, доставку им прохладительных напитков» («Правда», 18.07.89).

Но, может быть, неформалы в случае переворота сумеют взбаламу-

тить страну своими митингами? Охо-хо, где они будут, эти неформалы, если исходить из того факта, что переворот уже состоялся?

Или, может быть, оппозиционные партии потребуют всенародного референдума? Партии эти на данном этапе истории в колымской вечной мерзлоте позакопаны. Оттуда не «потребуешь»!

Высказывается иной раз такая вот, видимо, специально для успокоения либералов придуманная концепция, согласно которой вы на решительные действия совершенно не способны, слишком трусливы для этого, чересчур креслами своими, дачами и связями дорожите... Один переселившийся за рубеж наш соотечественник так вот вас понимает: «Мне довелось видеть в разных странах представителей разных господствующих классов; были они всякими и особым мужеством не отличались. Но нигде я не видел класса, в такой степени дрожащего за свою шкуру, благополучие и карьеру, как класс номенклатуры...»

Все правильно в общем-то соотечественник говорит, но чрезмерно полагаться на вашу пугливость — значило бы проявлять не столько смелость, сколько глупость. Маленькая, слабенькая птаха, защищая самое для нее дорогое — птенцов — становится бесстрашной, как лев. Неужели вы хуже этой дуры? Ваши миллионы и кабинеты с длинноногими секретаршами — стимул повесомее, чем какой-то писклявый цыпленок! Рисковать вы не любите, спору нет, но если уж условия позволяют вам всемером одного досмерти запинать, то в отваге вам не откажешь. В коридорах же реальной власти вас по сравнению с этими выскочками — «пропрабами перестройки» пока не в семь, а в семьдесят раз больше. Как минимум.

Так что, признаюсь честно (а мы ведь вначале договорились вести разговор только так), я убежден, что при особом желании вы могли бы уже не раз покончить с перестройкой. И сейчас еще можете. Думаю, и у вас самих на этот счет нет особых сомнений. По крайней мере в режим «долгостроя» перестройку вы перевели с такой легкостью, с какой Брумель преодолевал высоту в полтора метра. А вот приканчивать ее не торопитесь. Почему бы это? Народ вы практичный, житейски смекалистый, но, честно говоря, в основной своей массе темноватый и к системному историческому мышлению не очень приспособленный. В связи с чем возникает подозрение: мудрую предусмотрительность вы в данном случае проявляете неосознанно, интуитивно. А ведь в этой, наверное, даже вам самим непонятной вашей нерешительности и спрятана тайна тайн, ключ ко всей сложившейся ситуации. И тут рискованно полагаться на одну интуицию, тут надо напрячь все извилины, чтобы понять, обязательно понять, что к чему. Иначе... мало ли что вам может подсказать интуиция завтра! Слепо доверяясь ей, очень даже можно однажды дать маху.

А поскольку у нас с вами волею ироничной дамы Истории возник такой же нелепый симбиоз, что и с американской военщиной (выжить мы можем только вместе!), то я, как и другие сторонники перестройки,

кровно заинтересован в том, чтобы вы маху не давали. Так что весьма желательно нам с вами, дамы и господа, обстоятельно и доверительно поразбираться, от чего же именно предостерегает на этот раз вас ваше, как правило, не дающее осечек классовое чутье?

Все дело в том, мне кажется, что, сорвав перестройку, вам пришлось бы брать полностью власть в свои руки.

Подозреваю, что в этом месте вы окончательно потеряете интерес к моему «Открытому письму». «Грозил синица море поджечь!» — усмехнетесь. Но зря вы заскучили на данной фразе, господа. И зря решили, будто я собираюсь вам читать великопостную мораль: де рваться к власти стыдно, де не о ней надо думать, а исключительно о процветании Родины и о том, как бы ее (власть) передать побыстрее целиком и полностью подлинному хозяину нашей страны — трудящемуся человеку. Я все-таки не настолько наивен, чтобы начать стращать вас властью как таковой. Слава тебе, господи, не на Западе живем, где все рвется к богатству. У нас богатство не самоцель, что с ним делать-то у нас, если главные блага не продаются, а распределяются? Так что вы вполне разумно рветесь не столько к богатству, сколько к власти. А цель власти, как точно установил Джордж Оруэлл, — сама власть! Это не означает, разумеется, что рвущихся к власти ничего на свете больше не волнует. Будет власть — будет (по крайней мере в условиях реального социализма) и все остальное. В самом сладостном виде.

Власть ведь (по крайней мере у нас) — это бесконтрольное распоряжение гигантскими (еще недавно считалось — «неисчерпаемыми») ресурсами сказочно богатой (как еще недавно считалось) страны. Власть — это право вершить, разрешать и запрещать, тащить и не пущать, не давать, отбирать, огребать, награждать, сажать, пытать, репрессировать, амнистировать... Власть — это масса приятнейших привилегий и благ; это безнаказанность за любое надругательство над страной, за любое уголовное преступление... Власть — это ощущение своего превосходства, своей исключительности и значительности; это сладостное чувство допущенности, включенности в круг избранных... Нет, пасую и замолкаю. Чтобы воспеть власть, нужен талант Гомера и слог Джерваина! Я и не собиравшись с ними конкурировать, просто надеялся показать, что понимаю, сколь она интимно желанна вам всем. Вот и поразмыслите: если она вам столь дорога, то почему же вы ее все-таки сейчас не берете? (Хотя и из рук не выпускаете.)

Вот-вот. Именно поэтому — момент очень уж смутный, непредсказуемый, выждать надо. Это вы так думаете, что непредсказуемый. Обманывая себя. Разве вы когда-нибудь колебались — устремляться к власти или нет, если появлялся хоть один шанс из ста? Не было такого. В том-то и дело, что чутье ваше классовое здесь иное говорит, более правильное и разумное: очень даже предсказуемый момент мы переживаем. В том смысле, что взять-то власть вы вполне еще можете, но вот удержать — никак. Тут и на тысячу одного шанса не просматривается.

Не верите? Что ж, попробую обосновать это утверждение предельно популярно.

Западные наблюдатели, прочитал я как-то в одной из книг, понимая, как много забот и проблем у руководящих работников такой гигантской державы, как наша, сильно недоумевают: когда же они ухитряются не только спать, но и бывать к тому же на банкетах и приемах, ездить за границу и по стране, жить неделями на дачах под Москвой и на Черном море, заниматься своими женами и не-женами, охотиться и наслаждаться сладкой жизнью. Смешные люди эти «западные наблюдатели»! Какой бы смысл было вообще рваться к власти, если бы она для всего этого не оставляла времени? В этом-то ведь и состоит весь ее смак. Не для работы же и не для забот к ней люди стремятся! Работать или лысеть от забот можно и без власти хоть круглосуточно. На кой, простите, ляд вам власть как морока, как забота, как каторга и бессонница от навалившейся ответственности? Ни на кой. Но ведь в том-то и состоит главная закавыка текущего момента, что в сложившейся ситуации каждый, кто открыто возьмет рычаги управления в свои руки, будет вынужден непременно и безотлагательно найти выход из целого лабиринта тупиков, в который забралась наша страна, пока ее вожатые, радуясь жизни, добивали под коньячок редкое зверье в заповедниках и разъезжали по курортам с женами и не-женами.

Прежде всего, разумеется, необходимо найти выход из экономического тупика. Газеты вы читаете, телевизор смотрите, так что не буду повторять общезвестное, да и скучно вам, наверное, слушать «очернительскую» правду о плодах вашего хозяйничанья. Однако уровень современной советской очень «экономной» экономики хотя бы одним штрихом обрисовать не удержусь.

Экономист Т. Дзюкаева не так давно очистила отчетные данные хозяйств в Северной Осетии от всякого рода узаконенной Госкомстатом отчетной «липы» и с удивлением обнаружила, что даже в передовом колхозе имени Ленина Кировского района, у которого рентабельность, измеренная по обычной, госкомстатовской методике, значилась «132 рубля прибыли на гектар», реально составила всего три рубля! Три рубля — цена одного цыпленка! «У вас имеется, — резюмирует экономист, — гектар плодородной земли. Вы затрачиваете на него еще 1500 рублей, а через год получаете в результате такого хозяйствования одного цыпленка» («Литературная газета», 11.05.88).

Наверное, не открою вам секрета, сообщив, что в результате подобного хозяйствования в нашем (якобы социалистическом) обществе рабочий эксплуатируется в два раза интенсивнее американского (это достаточно наглядно измеряется той долей произведенной работающим стоимости, которая идет ему в зарплату). А зарабатывает он за час (тут надо учитывать разницу в производительности труда) в десять раз меньше американского рабочего. Номинально — переводя доллар в рубли по старому (фиктивному) курсу. Но ведь чтобы измерить покупательную спо-

способность заработка американца, нам следует эту десятку еще на шестерку умножить. Как минимум. Многие десятилетия наши трудящиеся об этих цифрах не знали. Узнав, некоторое время по инерции предпочитали думать, что варварские поборы с них идут на общий алтарь скорейшего возведения светлого здания коммунизма. Глупенькие?.. Были. Перестают. Начинают осознавать: вашу жизнь своим почти бесплатным трудом они делают лучезарной, а не свою и не своих внуков. В этом именно и заключается специфика сегодняшней ситуации. Не разрешит власть (любая) быстро и радикально экономические проблемы страны — и пролетарии, которым не только «нечего терять», но уже и нечего есть, хлынут на улицы.

Вы не верите, вы надеетесь, что не впервой, что как-нибудь рассосется, что как-нибудь протянем! «Как-нибудь» нам удавалось тянуть только за счет мародерства над природой! Но это раздолье для временщиков, считайте, кончилось. То есть можно еще найти кусочки для разграбления, но одновременно количество зон экологического бедствия увеличивается столь стремительно, что неизвестно, что заставит раньше разгневанные массы начать громить райкомы, обкомы и отделения милиции — полное исчезновение мяса и макарон в магазинах или отравленность воздуха и воды.

А ведь из экологических проблем, разрастающихся как снежный ком, не выпутаться, не разрешив проблем экономических. Тут ведь пропасть средств и ресурсов потребуется. И новый уровень научно-технической культуры. Какую, простите, альтернативу горбачевской программе по всей совокупности этих проблем способны предложить вы, ликвидировав перестройку? Без весомых экономических стимулов, без хозяйственной инициативы и самостоятельности, без широкого развития рыночных отношений на базе конкуренции, без замены продрозверстки продналогом, без демократизации всех общественных структур и отношений достаточного рывка в области экономики не совершить, новой ступени научно-технической революции не одолеть. Или у вас все же есть за душой какая-то альтернативная программа? Поделитесь, не тайте, если так. Но что-то не похоже.

И в том, чтобы выпутаться из межнациональных конфликтов, у вас нет и не может быть никакой реальной программы. Размахивание дубинками и лопатками, имперская твердолобость, великодержавный «интернационализм»?.. Можно, конечно, пропасть предпочесть тупику, но стоит ли?

И в области международных отношений у вас альтернативной (по отношению к предложенной Горбачевым) программы нет. А без нее те же экономические и экологические проблемы в пределах отдельной, даже очень большой страны в сложившихся условиях разрешиться не могут. Круг вновь и вновь замыкается.

И все более очевидным становится, что ни из одного нашего тупика любому получившему сегодня власть не выбраться, не обрета поддерж-

ки широких слоев населения, не добившись нового уровня их активности, сознательности, даже энтузиазма. Перестройка, пока в ней народ не разуверился, еще способна объединить людей и воодушевить их на новые усилия, новые жертвы. Ну, а если она окажется сорванной? Ответом бесспорно будет глухая апатия к любому воодушевляющему лозунгу, к любой программе. Столь же очевидны для меня распад партии, быстрый рост деструктивных настроений: разгул национализма, появление террористических групп и организаций, дальнейшее падение (особенно среди молодежи) морали и т. д. и т. п.

Ну, а если вспомнить об экономическом штопоре, в который с неизбежностью и очень быстро войдет страна, то опять же мы вернемся к теме народа, «вышедшего на улицу», теме голодных бунтов и национальных мятежей.

Впрочем, вы ведь для того в первую очередь и стали бы приканчивать перестройку, чтобы твердой рукой загнать народ в стойло, положить конец «разгулу демократии», чтобы навести наконец в стране порядок и дисциплину.

В силах вы это сделать? Наверное, в силах, но... Ну, навели вы «железную» дисциплину, заткнули «болтунам» рты, а дальше? Сейчас у нас не 30-е годы, когда террор накладывался на фанатичную веру массы неискушенных людей в возможность быстрого построения «светлого будущего». Надо, считали люди, только поработать, не щадя себя, побороться с врагами будущего, не щадя их,— и все.

Вы более полувека не худо стригли народную доверчивость, доили его энтузиазм, но загадили вы живой родник, замусорили, испохабили, кончился он, иссяк. Это я не в упрек вам говорю. (Странно было бы считать вас хранителями родников и святынь. Это все совершенно не по вашей части!) Я просто констатирую факт, чтобы объяснить вам: нынче «в стойло загнать» посложнее будет, чем в 30-е годы. Тогда сами в него шли — от энтузиазма. Нынче же можно рассчитывать только на силу, а, значит, она должна быть очень большой: стараниями только МВД и КГБ тут уже не управиться. Так что без армии сегодня народ в стойло не загонишь! Реально ли включение нашей армии в политическую борьбу?

Помнится, на «круглом столе» в журнале «Век XX и мир» я спросил у представителей военного ведомства: а с кем окажется армия, если кто-то попытается силой остановить перестройку? Долго после этого и в частных и в официальных документах на мою бедную голову сыпались гневные командирские выволочки. Суть их одна: как посмел **такое** спрашивать?! Совсем непонятное раздражение. Я бы, например, на аналогичный вопрос с гордостью ответил, что в случае необходимости готов взять оружие в руки и защищать перестройку! Но для военных чинов невинный мой вопрос почему-то оказался неудобным, бестактным. Так и не получил я на него до сих пор прямого ответа. Впрочем, боюсь, что не прямой ответ все же последовал. Можно вспомнить хотя бы «кровавое воскресенье» в Тбилиси.

Случившееся там 9 апреля, как и некоторые другие события (в том числе и происшедшие на I Съезде народных депутатов), показывают: субъективная готовность у некоторой части армии взять на себя роль «сильной руки» имеется. Ну, а вооружение, которым располагает современная армия, создает объективную возможность навести «порядок» на улицах любого города.

Вот она и «альтернатива», о невозможности отыскать которую мы с вами так долго печалились?

Тут-то, в этом-то пункте, дамы и господа, вы и рискуете дать маху.

На улицах при помощи дубинок, танков и газов, может быть, и удастся навести «порядок», ну а в научных исследованиях, например? Вообще, в любом деле, где требуются добросовестность, вдохновение, где нужно выкладываться не за страх, а за совесть? В душах людей, наконец?.. Чем спасут военные нашу развалившуюся экономику, умирающую природу? В международных отношениях, однако, у них может возникнуть и даже наверняка возникнет «альтернативная» программа: новый железный занавес, новые «происки империализма» и новый виток гонки вооружений. Выжить с такой программой очень трудно. Не нам даже, а человечеству.

И потом... Обретя власть и войдя во вкус «наведения порядка», захотят ли военные с вами со всеми этой властью делиться? Я понимаю, что кое-кто из вас это и есть они, но что будет с остальными вами? На одном только запугивании, на кнуте без пряника вообще никто у власти удержаться долго не в силах, в условиях же, когда котел народного гнева на грани взрыва, — это просто невозможно. С первых же шагов военной диктатуры ее лидерам остро потребуются чем-то повернуть в свою сторону общественное мнение, чем-то оправдать свой приход к власти. Всерьез увеличить количество товаров и продуктов на прилавках, снизить налоги и поднять зарплату они, естественно, не смогут. В этой сфере после кратковременных и ничем не подкрепленных жестов и имитаций диктатура способна пойти только на интенсивное урезание. Что же «сильной руке» останется делать? Подумайте не спеша... Сообразили? Правильно — самый дешевый и эффективный способ обрести некоторую популярность — «выдать головой» народу для утоления его гнева партийный аппарат, часть коррумпированных элементов государственных и всякого рода распределительных служб, а также наиболее «зарвавшихся» лидеров мафий. Армии такое по плечу. Потом, конечно, еще быстрее начнут плодиться новые полчища взяточников и расхитителей, но есть большие основания подозревать, что это будете уже не вы. Новое время — новые песни, новые песни — новые певцы. Так что «наведение порядка» очень даже может повернуться вопреки вашим мечтам для многих из вас стороной весьма обидной. Это ведь сейчас вы все (на почве ненависти к перестройке) друзья и союзники, а захватив власть, вмиг станете конкурентами и соперниками. Ну, а что делают с соперниками, не мне вам объяснять.

Не убедил? «В жертву толпе принесут лишь малую часть, лишь тех, кто не сумеет найти общий язык с новой властью, перестроиться, приспособиться», — думаете вы, втайне уверенные, что это будет обязательно кто-то другой, а не вы. Се ля ви, пусть неудачник плачет!.. Что ж, давайте просчитаем и эту оптимальную для вас ситуацию. Итак, работа из-под палки, диктатура, террор, порядок, апатия народа, цинизм... Спрашивается, а сколько такое состояние может продолжаться в условиях предельного кризиса экономики? Очень недолго! Обществу срочно придется искать выход из диктаторской системы. Те люди, которые уже успели распрямиться и обрели достоинство, начнут борьбу. Схемы тут известные: кружки, группы, подпольные организации, нелегальные партии, народные фронты, взрыв народного гнева (на некоторое время отсроченный террором и подачками), гражданская война (в этих условиях, при такой власти совершенно, думается, неизбежная), распад федерации, голод, кровь, разруха — то есть обычный путь, который пришлось пройти почти всем народам, самостоятельно (без помощи извне) низвергающим диктаторские режимы.

А итог? Итог не развития общества, а попыток разрешить проблемы при помощи «сильной руки»? В итоге (если стране удастся избежать термоядерного конфликта в результате естественного для военной диктатуры повышения воинственности) вы придете к тому же, от чего попытаетесь уйти, прибегнув к перевороту.

Только делать все это придется в условиях несопоставимо худших, подниматься с уровня полной дикости, на который нас надолго отбросил бы еще один жестокий исторический катаклизм. При невосполнимых потерях в людях, ресурсах, духовном потенциале, времени. Но идти придется все в ту же сторону, по тем же, только еще более разрушительным и окровавленным ступеням — по пути к свободе, демократии, гласности, правовой культуре, открытости, терпимости... Впрочем, тут речь пошла про народ, про общество. Вам про это неинтересно. Вернемся к вам.

Боюсь, что и вам за этот пустой кровавый виток развития придется заплатить полную цену, которую уже не раз платили в ходе истории гораздо более, чем вы, укорененные в жизнь, более продуктивные для экономики и духовного прогресса эксплуататорские классы. К сожалению, жадность застит глаза и затемняет разум. Любители жить за чужой счет всегда ведут себя, как бурбоны, — не хотят ничего забывать, не хотят ничему учиться (на горьком опыте предшественников своих).

Сейчас, оглядываясь на события революции и гражданской войны, мыслящие люди все более и более ужасаются тому, насколько жестоко и неэкономно расправлялся народ со своими угнетателями. Что значит «неэкономно»? Значит, с многократным превышением той меры жестокости и разрушительности, которой вполне могло хватить для устранения господствующего класса от власти; с одновременным не поддающимся никакой логике и столь же жестоким самоуничтожением. Что

ж, задним умом мыслящие люди всегда крепки. Однако, как правильно выразился писатель Юрий Давыдов, «куда важнее владеть чутким сейсмографом, подмечающим работу закона исторического возмездия, пока она, эта работа, происходит в недрах вулкана» («Огонек», 1989, № 30, с. 27).

Множество раз (притом — заблаговременно!) предупреждали умеющие заглядывать в будущее люди тогдашних российских эксплуататоров о приближающемся кошмаре, давали советы, чем надо поступиться, чтобы избежать его. Священник Григорий Петров говорил: «Николай Романов ни полушки права народу не даст. И тогда уже кровь. Море крови. Ожесточение...» Лев Толстой предупреждал об этом же, Леонид Андреев, Короленко, Лесков... Всех и не перечислишь. Эти люди были не просто умны, они душой ощущали, что происходит с народом, и понимали, что он, увы, имеет право на гнев и ненависть.

«Сам я не «террорист» уже по тому одному, что «литератор», — писал А. Блок. — Как человек, я содрогнусь при известии об убийстве любого из вреднейших государственных животных... И, однако, **так сильно озлобление** (коллективное) и так чудовищно неравенство положение — что я действительно не осужу террор сейчас».

Не пора ли и вам осознать, что у нас сейчас обстановка в стране почти столь же накалена, как в 1917 году. Разруха, поборы, чудовищное неравенство, коллективное озлобление и всеобщее ожесточение тоже уже приблизились к роковой черте, за которой — взрыв неуправляемых процессов. Вы же ведете себя, увы, с «мудростью» Николая II и не желаете уступить народу «ни полушки права».

Я вовсе не убежден, что если вновь прольется море крови, в которой захлебнетесь и вы (народ уже достаточно осознал, кто истинный виновник его бед и нищеты), то не появится какая-то новая, может быть, еще более гнусная, еще более извращенная разновидность захребетников, но вам-то и вашим наследникам от того будет мало радости, не правда ли?

Почему я столь скептически отношусь к вашей возможности остаться у сытных кормушек в ходе грядущих социальных катастроф, ведь и послушненькие карьеристы и ловкие дельцы до сих пор славились своей непотопляемостью, умением быстро приспособиться к любым условиям?

Ну, во-первых, пора осознать, что речь идет о настоящей революции, а не о серии декоративных реформ (как вам мечтается). Революции сметают с поверхности земли целые классы. Предшественники-то ваши по захребетничеству не хуже вас умели оседлывать случай, а где они сейчас?

А во-вторых, вы слишком долго и слишком всесторонне контролировали ситуацию в стране, в итоге чего опрометчиво поверили в полную свою безнаказанность. Два факта для наглядности. Первый: работница, украв кофе на 200 советских рублей (то есть каких-то 10 килограммов),

получает за это 6 лет лишения свободы. Второй: на предприятии испорчено и расхищено оборудования на 28 миллионов инвалютных рублей — виновные «наказаны»... выговорами! Можно третий добавить: из 130 миллиардов рублей, выделенных за 20 лет Минводхозу на его планетарно-разрушительную деятельность, половина, как сообщалось в печати, оказалась попросту разворованной. Нашли тех, в чьих сейфах и карманах осели эти миллиарды? По-моему, даже не ищут. Министр же, ответственный за подобное разграбление, с почестями отправлен на пенсию. Ловко? Еще бы. А какой урок!.. Плохой. Для вас прежде всего, уверившихся, в силу малой своей исторической образованности, что раз так, то можно никого не бояться, ничего не стесняться — в итоге вы утратили всякую осторожность. А ведь вы почти все столько «наследили», настолько «засветились», что вам в случае качественной перемены общественной ситуации не спрятать концов, не убрать свидетелей, не подкупить обвинителей — их слишком много для того.

Весьма плохую службу сослужил вам и тот факт, что преступления сталинско-бериевской компании и их многочисленных подручных остались практически безнаказанными. Наш отходчивый народ уж и требовать перестал суда над судьями-палачами, следователями-убийцами, доносчиками-клеветниками, правоведами-людоедами. Все реже и реже услышишь усталый вздох по поводу доживающих в достатке и почете персональных пенсионеров, по которым, если исходить из опыта Нюрнбергского суда, все эти годы виселица плачет.

«Уж если такое сходит с рук,— делаете вы из этого факта логичный, но опрометчивый вывод,— то наши-то куда менее кровавые грехи тем паче спишутся как естественные потери при возведении здания социализма». Зря вы благодуствуете, мне кажется. Обратите внимание, что если о сталинских преступлениях говорят с гневом, смягченным скорбью, то о тех, менее впечатляющих, хотя не менее масштабных, что совершались в брежневские времена,— с несравненно большим раздражением. Слишком мал срок давности, слишком бесспорен для всех антинародный, жульнический характер того, что творили медуновы, романовы, кунаевы и иже с ними. И заметьте, что накал ненависти к вам не спадает, а возрастает. Прямо пропорционально росту дефицита и инфляции.

Вот уже и Верховный Совет под воздействием этих настроений постановление об усилении борьбы с преступностью принял. Не смертельно оно для вас? Заглохнет и этот «почин», как все прочие? Может быть, может быть... Но народный гнев не «заглохнет». Не учтете вы всерьез этого фактора, и народ однажды вместо временных комиссий создаст постоянную, да такую, что и законы, столь снисходительные пока к большинству взяточников, самодуров, финансовых, экономических и экологических преступников, станут к вам безжалостными, следствие — зрячим, а судьи — к телефонным звонкам глухими. И срок давности вдруг может перестать быть защитой. Преступления против челове-

чества и человечности ведь срока давности не имеют. А мало ли таких накопилось на вашем счету?

Глядишь, тогда и за ввод войск в Афганистан кому-то наконец ответить придется; и за Чернобыльскую трагедию не только несколько «стрелочников» предстанут перед судом; и за хладнокровно утопленных возле норвежского берега моряков; и за карательно-утопительную акцию в Тбилиси; и за преднамеренное убийство (при отягчающих обстоятельствах) Аральского моря; и за превращение черноземов в асфальт, а лучших в мире пойменных лугов — в дно безжизненных гниющих водоемов; и за трагедии малых народов; и за «психушки»; и за фальсификацию выборов в высшие органы государственной власти; и за пытки во время следствия; и за сознательный развал экономики; и за безграничное воровство, взяточничество, коррупцию, укрывательство преступников... Впрочем, вам ли не знать, за что с вас давно уже полагалось бы спросить по всей строгости закона?

И именно в эту, очень неприятную для вас сторону с неизбежностью ведут попытки силой прервать ход начатых сверху реформ и преобразований. Так что поразмышляйте, стоит ли искушать судьбу и своими руками подталкивать историю в сторону «революции снизу»? Это я не из любви к вам, сами понимаете, советую, а из понимания, что надежды обрести «альтернативу» перестройке в диктатуре (любого типа) слишком дорого могут обойтись народу, всем нам при любом, самом победном для демократии финале.

Очень взвешенно надо вам, господа захребетники, подойти к неустойчивой сегодняшней ситуации, не поддаваться эмоциям, не пойти на поводу наименее политически зрелой части вашего класса — всяких там «воров в законе», «паханов» и т. д. Нетипичная ситуация требует нестандартных, неожиданных решений, нетрадиционных подходов, «нового мышления», если хотите.

И начать лучше всего с трезвой оценки самих себя и своей жизни. Так ли уж хорошо вы живете, как вам кажется?

Конечно, наиболее преуспевшая ваша часть имеет почти все, что имеет на Западе миллионер и даже миллиардер. (Между нами, у этих миллиардеров там тоже не по два горла и не по три половых органа! Радости-то жизни, ради которых вы рветесь к власти, имеют не столь уж высокий потолок насыщения. Не требуются вовсе для его достижения миллиарды!)

Только и эти, самые преуспевшие, все отчетливее начинают ощущать растущий дефицит почтительности к себе. Общественное мнение, увы, все отчетливее осознает: благополучие ваше — ворованное, грязное, стыдное. С каждым годом все неуютнее будет вашим детям и внукам жить у себя в стране. Но наиболее преуспевшим хоть есть за что терпеть презрение, а остальных? Основная ваша масса, дамы и господа, живет, если исходить из международных стандартов, весьма убого. Даже материально, не говоря уж обо всем прочем.

Михаил Восленский, увы, имеет основания (что и делает в своей книге «Номенклатура») издательски «сострадать» нашему очень гордому своим преуспеянием карьеристу-номенклатуристу: «Вам живется хорошо только в сравнении с вашими же подданными. Подумайте: ведь это — патология — жить хуже, чем вы могли бы, ради того только, чтобы всем другим в стране было еще хуже!»

По-моему, совершенно на то не претендуя, этот самый Восленский раскрыл тайну прочности «развитого социализма» перед лицом загнивающего капитализма. Стадию первичного накопления капитала вы уже прошли. Горы вполне конвертируемой валюты припрятаны у вас в отечественных тайниках и в сейфах швейцарских банков. Некоторые экономисты оценивают величину ваших капиталов в 200—240 миллиардов рублей! Немало колоний приходилось до нитки ограбить вашим предшественникам, чтобы достигнуть подобного уровня первичного накопления. И ведь многие десятилетия в стране не было буквально никаких политических сил, которые могли бы всерьез помешать вам изменить несколько фраз в конституции, провозгласить священным право на частное владение заводами и фабриками и начать обирать народ не воровски, а открыто, официально, как это делается во всем цивилизованном мире. Я до сих пор не пойму, почему вы этого не сделали во времена Брежнева и Черненко? Что именно помешало вам легализовать наворованное под их высоким покровительством и обрести право извлекать из него радости жизни не таясь? Не преданность же идеалам коммунизма в конце концов! Право слово, похоже, что дело именно в том, о чем написал во имя сатирического заострения этот перебежчик из нашего лагеря в их лагерь. Вы готовы жить плохо, лишь бы другим было еще хуже!

В категорию «богатых» у нас попадает приблизительно такой же процент граждан, что и в США (2,3% семей — у нас и 3% — у них; естественно, «богатых» по их и по нашим меркам). Но вот в категорию «малообеспеченных» (по их понятиям) в США попадает всего 20%, а у нас в категорию «бедных» — 86,5%! «Обеспеченных» (17%) американские «богатые» в смысле получения нормальных человеческих радостей особенно удивить ничем не могут, но ведь и оставшиеся 60% среднего класса не будут потрясены, узнав, что миллионер каждый день может кушать семгу и пить растворимый кофе. Не поразит их и сообщение, что у каждого члена семьи «обеспеченного» есть своя машина и своя ванная комната. Скажите на милость, какая радость быть богатым, если 80 с лишним процентов твоих сограждан не ощущает к тебе мучительной зависти? То ли дело у нас! В «Правде» как-то приводилась цифра: от 56 до 100% всех деликатесов, поступающих в одну из областей Нечерноземья, скушивает всего 0,04% населения этой области (сотрудники аппаратов обкома, облисполкома и члены их семей). Можно вообразить, сколько дополнительного счастья испытываете вы от каждого кусочка семги, от каждого глотка чешского пива! Один мой знакомый, побывав

в спецраспределителе на Грановского, разочарованно признался, что в любом сельском магазине Португалии и выбор богаче, и качество продуктов выше. А еще говорят, что при их хваленной демократии со стимулами все в порядке! Да стоит ли виться ужом всю жизнь, лыстить, врать, давать взятки, нарушать уголовный кодекс, и т. д. и т. п., чтобы в итоге есть то же, что и все прочие, живущие без риска и без унижений? Ведь не в самой же по себе семье счастье! Счастье в том, чтобы, кушая ее, знать: никто другой ее кушать не может. А человек ведь создан для счастья, как птица для полета, не правда ли? Впрочем, насчет птиц — это явно устаревшая концепция. Отлетались болезные! Считанное число их для ваших охотничьих забав в заповедниках ученые оберегают.

Я понимаю, что и про птички неприятности вам слушать скучно, но... Как бы и с вашим счастьем, дамы и господа, не случилось то же самое, что мы наблюдаем с птичьими полетами.

Знаете, за что я особенно уважаю глистов, аскарид, солитеров и прочих гельминтов? Не за трудолюбие, разумеется, и не за высокие моральные качества. За их дальновидность и рассудительность — вот за что я высоко ценю гельминтов, хоть и селятся они в местах не очень престижных. Сосать они, конечно, сосут и даже (до чего ведь умильные!) какие-то вещества научились выделять, чтобы чужеродный организм не отторгал их по причине тканевой несовместимости, но... (вот на что обратите внимание!) **до смерти того, кого сосут, не засасывают**, оставляют и ему немножко жизненных соков! И «вещества» выделяют **не ядовитые!** Маленькие, без всякого образования, а понимают: до смерти засосешь — сам не жилец! И род твой на этом закончится, и не с кем будет маленькими хитrostями насчет тканевой несовместимости делиться...

Ну, а вы-то что же, полоумные, делаете с обществом, к чреву которого так жадно присосались, с планетой, давшей вам жизнь?..

Вот лишь несколько стрихов для пояснения. Всемирной организацией здравоохранения допустимой в продуктах нормой нитратов считается 40 миллиграммов на 1 литр (или килограмм). Когда у нас в одной из студенческих столовых произвели замеры, оказалось, что в кг капусты их содержится 4560 мг, в кг редиски — 5700 мг, салата — 6350, зеленого горошка — 1073... В детском морковном пюре нитратов было 1245 мг на 1 кг, в 1 литре морковного сока 1100 мг... («Огонек», 1989, № 16, с. 31). Наши опрыскиватели в сельском хозяйстве доставляют лишь 1% ядохимикатов и гербицидов куда положено, 99% их уходит на бессмысленное отравление окружающей среды: почвы, растений, рек, озер, грунтовых вод, насекомых, птиц... При этом наличие пестицидов у нас проверяется только у 5—10% сельхозпродукции.

Авторы одной из публикаций в журнале «Ньюсуик» с многообещающим названием «Агрохимия на обед» пробуют доказать, что опасности отравиться или заразиться во время принятия пищи сильно преувеличиваются паникерами. Не так страшен черт!.. Надо только соблюдать неко-

торые несложные правила. Такие, например: «Чтобы уменьшить опасность, исходящую от каких-то остатков пестицидов, мойте все овощи и фрукты водой с мылом... Наконец, выращивайте собственные овощи и фрукты!..» «Озерная рыба представляет большую опасность, чем океаническая... Некоторые виды рыбы... содержат полихлорированные дифенилы, а также пестициды ДДТ, хлордан, альдрин, дильфрин, токсафен и свыше 100 других соединений, содержащихся в промышленных стоках... не имея возможности проверить качество купленной рыбы с помощью газового хроматографа, все, что вы можете сделать,— это ограничить потребление пресноводной рыбы, особенно жирных видов...»

Очень скоро оптимисты будут уверять нас, что воздух наших городов не так уж и плох. Стоит «всего-навсего» надеть противогаз, выходя на улицу, и большая часть смертельно ядовитых веществ осядет на его фильтры... Люблю я оптимистов, без них нам кусок в горло сейчас не полез бы, ведь пессимисты уверяют, что с каждым из этих кусков мы вводим в организм еще одну порцию тяжелых металлов, селитры, гормонов, пестицидов, нитратов, антибиотиков, кормовых дрожжей, стимуляторов роста, ингибиторов развития и прочей химической дряни...

Виджу, вижу, как в этом месте глаза ваши засветились торжеством. Вы убеждены, что уж к кому-кому, а к вам пророчества пессимистов никакого отношения иметь не могут, ибо...

Ибо не только под Киевом есть в совхозах «закрытые» спеццеха, где круглогодично выращивают (в грунте, не на гидропонике!) без всякой химии экологически чистые огурчики, морковочки, баклажанчики, молодую картошечку, цветную капусточку и т. д. и т. п. В прочих цехах производство напичканного химией килограмма огурчиков обходится в 53 копейки, ваш «чистый» — в 14 рублей 12 копеек! Думаю, вы и по 53 копейки не платите за свои спецогурчики в своих спецмагазинах, спецбуфетах и спецстоловых. Поэтому обычным смертным огурцы (химически грязные) большую часть года приходится покупать по 3 рубля за кило. В этом вот и вся «тайна» ваших самодовольных улыбочек.

«Смог над городом»... Это про Омск. Люди задыхаются, болеют, умирают. Принимаются аварийные меры, закрываются наиболее вонючие предприятия, ограничивается передвижение транспорта... Так ведь почти все наши крупные города в похожей ситуации, и она стремительно ухудшается. Ну, огурчики и колбаску чистые вы себе пока в состоянии обеспечивать, а что вы будете делать с воздухом? Конечно, когда все наденут противогазы, ваши окажутся импортными — более качественными и престижными. Еще один повод для ощущения своего превосходства?

«По поступившим на 1 июля данным, из-за неудовлетворительного состояния пляжей, загрязнения моря канализационными стоками закрыты отдельные пляжи в Баку, Сумганте, в Мариуполе, Феодосии (3 пляжа), Керчи (2 пляжа), Одессе (10, 13, 16-я станции Большого Фонтана

и пляж Черноморка). В Латвийской ССР не рекомендовано купаться на пляжах курорта Юрмалы в течение всего сезона, в Эстонской ССР — на пляжах Пярну, Валгеранд, Уулу...» («АиФ», 1989, № 27, с. 8).

«На время закрыты пляжи в зоне ялтинских санаториев «Украина», «Марат», «Днепр», в Мисхоре, Симеизе, Алушке (детский пляж и «Лазурный берег»), в Песчаном Бахчисарайского района...» («Известия», 1989, № 203).

Ну, санатории-то вы для себя научились отдельные возводить, но моря-то при помощи своего Минводхоза если и сооружаете, то гнилые, для оздоровления организма, ослабленного на руководящей работе, не подходящие. Вы же, дамы и господа, волей-неволей в тех же канализационных стоках купаетесь, что и обычные люди, неужели это так вкусно и ароматно?

А радиоактивные выбросы грядущих Чернобылей, к которым (под вашим руководством) мы идем с неотвратимостью? А разрушающийся при вашем активном попустительстве озоновый слой? Вы что же, надеетесь дожидаться, когда Земля вновь станет пригодной для жизни, спрятавшись в свои бункеры? Знаете, если уж умереть неизбежно, то лучше умереть быстро. Растягивать ужас и агонию на десятилетия... Я бы не хотел обрести такую «привилегию», хотя, честно говоря, она, наверное, единственная из всех, которую вы рискуете получить заслуженно.

А задумывались ли вы, в каких спецраспределителях вам в недалеком будущем удастся отыскивать химически чистых невест для своих сынов и генетически не выродившихся женихов — для дочек? Не улыбайтесь — это достаточно серьезно. Оттолкнемся снова от конкретной цифры.

«Около восьми процентов московских детей — олигофрены. Это лишь официально зарегистрированные идиоты (тяжелая форма заболевания), имбецилы (средняя форма) и явно выраженные дебилы (легкая форма олигофрении). Стертые формы дебильности, проще говоря, туповатость и посредственность, в медицинской участковой практике не регистрируются. Следовательно, реальная численность олигофренов гораздо выше — до $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{2}$ всех детей. И это только в Москве!.. Доля ослабленных детей в столице составляет до 70—90 процентов». Продолжая эту мрачную инвентаризацию вырождения, заведующий кафедрой статистики Плехановского института утверждает, что из 287 миллионов жителей нашей страны относительно здоровая часть народа не превышает 137 миллионов. И процесс деградации под воздействием загрязнения среды обитания, увеличения числа пьяниц, алкоголиков, наркоманов и т. д. все ускоряется: «На начало 1989 года детей, подростков и молодежи до 24 лет насчитывалось около 117 миллионов, из них ослабленных — 55—80 процентов, то есть 60—80 миллионов. Каждый третий новорожденный — маргинал (то есть хроник или дефектив.— А. Н.)! 45 процентов учащихся к 17 годам становятся маргиналами. Глубина дегра-

дации может быть столь велика, что генофонд народа нельзя будет спасти... Речь идет о вырождении народа!» («Смена», 1989, № 12, с. 3).

В дискуссионном клубе в Комитете защиты мира один из ораторов сделал такие вот сопоставления. В 1959 г. на душу населения у нас приходилось 5 кг химических продуктов, применяемых в сельском хозяйстве. Детей с генетическими повреждениями рождалось 0,7% от общего числа. В 1983 г. объем «химии» возрос до 25 кг на душу — поврежденных стало рождаться 16,5%. Сейчас поставлена цель довести производство химической продукции в сельском хозяйстве до 102 килограммов на жителя страны. Биологи давно установили: если более 30% особей популяции имеет генные повреждения, популяция обречена на вырождение.

Математическая модель показывает, что для этого потребуется смена всего трех поколений.

Вам снова скучно? Речь ведь пошла о вырождении народа, а вы, слава Богу, не народ, не так ли? Вы не народ, спору нет, но вы ведь высасываете из народа не только его «экономические соки», но и генетические. В целом рост физической и психической дефективности связан прежде всего, видимо, с химизацией, этот процесс пока развивается медленнее, чем рост дефективности, вызванной пьянством, наркоманией, СПИДом... Но он страшен своей всеобщностью, тотальностью, неоправимостью и обманчивой постепенностью катастрофы. В частности, он скрывает за общими (тоже страшными, но для понимающих) цифрами более стремительные скачки деградации на отдельных «ударных» участках. Увы, экологически чистые морковки не делают вас более защищенными во всеобщем процессе именно потому, что вы (и особенно ваши дети, внуки), как правило, находитесь в самых эпицентрах зон особого риска. Я имею в виду пьянство, наркоманию, беспорядочные половые связи... Безделье, пресыщенность, безнаказанность, духовная опустошенность и острый дефицит нравственного иммунитета превращают ваших детей и внуков в спринтеров генетической деградации. Ваш паразитический класс, как никакой другой в истории, нуждается в притоке «здоровой крови», генетически здорового материала. Но ведь вы с подрастающими за пределами номенклатурных квартир и дач девочками и мальчиками — потенциальными женихами и невестами ваших детей и внуков (и уж в любом случае будущими их половыми партнерами) — своими выращенными на особых грядках огурцами и морковками не делитесь! Кем и чем будете вы оздоравливать свой стремительно вырождающийся класс?

Каждый рубль, который сейчас страна вложила бы в производство и закупку одноразовых шприцев и презервативов, спас бы в недалеком будущем чью-то жизнь. Очень скоро для спасения этой самой одной жизни потребуются миллионы рублей. Это будут жизни ваших внуков и внучек тоже. Чтобы защититься от СПИДа (в пределах возможного), стране требовалось в этом году 250—300 миллионов инвалютных руб-

лей. Совмин наскреб несколько миллионов. На большее для спасения от вымирания народа, содержащего его своим трудом, Совмин оказался неспособным. Вы тоже не захотели поделиться наворованным. И еще считаете себя при этом «деловыми», дальновидными людьми! Только на мелиорации вы хапнули за последние 20 лет десятки миллиардов рублей, на хлопок — многие миллиарды, на... Не хочется подсчитывать деньги в чужих карманах, но ведь никакое изобилие импортных медицинских средств в системе четвертого управления не спасет ваших детей и внуков от СПИДа! В процентном отношении именно среди них самое большое количество гомосексуалистов, наркоманов и людей сексуально неразборчивых. В профилактике СПИДа хороши одноразовые шприцы, а не одноразовые половые партнеры!

Вы, дамы и господа, хапаете миллионы, копите бриллианты, приобретаете роскошные квартиры, виллы, машины, открываете счета в зарубежных банках, пренебрегая ценой, которую придется заплатить за это стране и человечеству. Во имя чего? Зачем? Все ведь не съедите, не истратите? Для них, для наследников, которые, получив все это, уронят слезу признательности на ваши могильные плиты?.. Думается, в этом вопросе тоже пора расставить некоторые точки над некоторыми «i». Бросьте утешаться трогательной ложью самим себе. Для чего вы берете каждодневный грех на душу? Чтобы детям и внукам своим организовать интересную жизнь, обеспечить им богатство, положение, комфорт, связи?.. Полноте! Мировые процессы, развивающиеся при вашем активном содействии, не оставят, если их не пресечь сегодня (завтра будет поздно), им никаких шансов даже на элементарное благополучие.

В начале века исчезал один вид животных за год. Сейчас один вид исчезает за день. Вид! Загляните в энциклопедию, чтобы вспомнить, что это такое. В Европе под угрозой скорого исчезновения две трети птиц, треть бабочек, более половины рептилий и земноводных. То же и с растениями. Похоже, что выжить в «ноосфере», так поэтично воспетой великим Вернадским, удастся только воронам, воробьям, тараканам и крысам. Они на ядовитых отвалах цивилизации только жиреют. Крысы, например, после десяти лет ядерных испытаний на атоллах Маршалловых островов чувствуют себя расчудесно. Можно предположить, что, если человечество (с вашей помощью) погубит себя тем или иным способом, то им, крысам, и выпадет честь представлять самую разумную жизнь на нашей планете. Прелестная перспектива, не правда ли? Так о своих ли потомках печетесь вы или о потомках современных крысиных популяций? — вот в чем вопрос. Миллионы в валюте, виллы и машины вы, судя по всему, детям и внукам оставить сумеете, но не ждите признательности с их стороны. Ваши дети и внуки будут плевать с ненавистью и презрением на ваши могилы. И чем больше вы им завещаете бриллиантов и вилл, тем злее будут их проклятия. Ни за какие ваши миллионы и миллиарды им не купить новую планету, на просторах которой можно было бы дышать без противогазов, есть без проверки каж-

дого куска при помощи газового хроматографа, купаться без опасения получить химический ожог, любить без скафандра.

Но не поздно ли заводить эти апокалипсические разговоры? Есть ли хоть малый шанс, что вы, прозрев, смогли бы еще покончить с экологическим, экономическим и духовным беспределом, который вы провозгласили в планетарном масштабе? Может быть, единственно, что нам осталось, попиравать во время чумы? Не знаю. Абстрактная возможность спасти природу и цивилизацию пока вроде бы еще есть. Директор института «Наблюдение за миром» Листер Браун считает, что если бы человечество на протяжении большей части 90-х годов выделило для своего спасения 150 миллиардов долларов в год, то мир можно было бы «вернуть на путь правильного развития». Возврат этот можно осуществить, двигаясь по пяти приоритетным направлениям. Это: возобновление лесного покрова, планирование состава семьи, сохранение плодородного слоя, эффективность использования энергии (в том числе разработка возобновляемых источников энергии) и сокращение долга стран «третьего мира»... 150 миллиардов долларов — это всего-навсего одна шестая общего мирового военного бюджета. «Всего»!.. Что-то не видно, чтобы человечество готово было поступиться одной шестой своей воинственности, чтобы спасти самих себя и своих потомков. Абстрактные возможности реализуются, увы, очень редко. Ну, а вдруг?

Самоотверженный заступник за природу Жак Ив Кусто, хотя настроен очень мрачно («Если рассуждать логически, то мы все обречены»), но не исключает и чуда: «На практике здоровые рассуждения часто оказываются неверными. Кто бы мог подумать, что вьетнамский велосипед «одолеет» американский компьютер? Надеюсь, существует какой-нибудь природный «велосипед», который удивит нас всех» («За рубежом», 1989, № 30, с. 14).

«Природный»?.. Разве что типа СПИДа, при помощи которого природа стряхнет со своей изрядно истерзанной «шкуры» нас с вами, оставив выздоравливать всю прочую живность. Для нее это выход, а для нас? Нам-то для спасения требуются духовный «велосипед», внутри нас происшедшее чудо. И вот на этот раз слово «нас», к сожалению, включает и вас тоже. Человечество, общество, люди рано или поздно нашли бы средство и вас стряхнуть со своей «шкуры». Увы, если исходить из нормальных, постепенных процессов демократизации, оздоровления, развития культуры, то «рано» никак не выходит. Трезвый расчет показывает: это обязательно получится поздно, слишком поздно! Повторяю: или мы спасемся все вместе, или не спасется никто. Такой нелепый, противостественный, обидный для вас и для нас выбор предложил нам рубеж между 2-м и 3-м тысячелетием от Рождества Христова.

Странный поворот разговора? Не более странный, чем время, в которое мы живем. Я не уполномочен ни человечеством, ни народом СССР предлагать вам беспринципный компромисс, сговор, предполагающий нравственную, а тем более уголовную амнистию. И я не папа

римский, чтобы давать или хотя бы обещать кому-то отпущение грехов. Тем более что есть, думается, грехи и преступления, которые простить невозможно. Художник В. Сокол описывает свой полет на вертолете над Алтайскими горами в 1984 году в районе Телецкого озера: «Летим над знаменитым Пыжинским кедровником... Перелетаем через хребет... с удивлением смотрим вниз и ничего не понимаем... Тайги нет, что произошло? Кто совершил это варварство? Оказывается, вновь сенсация — «стройки века». Кто ответит за это преступление? Спилили и навечно оставили гнить в недоступных для транспорта логах и ущельях могучие деревья... Теперь, пожалуй, поздно искать виновников случившегося...» («Советская культура», 8.08.89). Ну, почему же «поздно»?! По-моему, наоборот, время еще не пришло. Но не за горами, думается, тот день, когда народ захочет выявить поименно и покарать мерзавцев, отдававших подобные распоряжения. В нравственной сфере есть понятие «смертного» (не поддающегося искуплению и прощению) греха, в юридической тоже должно быть аналогичное понятие предела, переступив через который на снисхождение рассчитывать не стоит. Так что, думается, вовсе не по всем видам преступлений человечество, даже увеличивая меру своей гуманности, будет становиться милосерднее. Ход событий заставит его быть все более беспощадным к экологическим, например, преступлениям. Это мне кажется несомненным, ведь очень скоро землянам придется вступить в отчаянную борьбу за элементарное выживание. Трудно рассчитывать, что на фоне развивающихся бедственных для страны и мира процессов снисходительность к безнравственности и преступлениям будет у людей возрастать. Все так, все логично и все же... Надо нам всем себя ломать и даже вполне здоровые по прошлым понятиям эмоциональные реакции брать под жесткий контроль логики, ибо возмездие — хорошо, богатство, власть — тоже хорошо, но выжить, сохранить планету для внуков — еще лучше. А этого не добиться без больших, непривычных компромиссов, уступок с двух сторон, отказа от многого, что нам желанно, без прощения того, что прощать совсем не хочется. Но... Рискую показаться смешным, однако сейчас то, как мы выглядим, не самое главное. Так вот вопрос о прощении религия не случайно прочно увязывала с вопросом о покаянии. Оснований для того, чтобы покаяться, сейчас у всех более чем достаточно: вам — в том, что вы разворовали страну и растлили народ, нам — в том, что это вам позволили. К нам я тоже когда-нибудь напишу открытое письмо, но это адресовано вам, так что, извините, и речь прежде всего о ваших грехах, о ваших преступлениях. И того и другого у вас накопилось сверх всякой меры. Делает ли это бессмысленным какой бы то ни было разговор о прощении? Если мы начнем перебирать по одному все грехи и преступления, то с неотвратимостью очень скоро придем к такому выводу.

Однако не случайно в рассказ о муках Христовых евангелисты включили сюжет о двух разбойниках. Один из них на краю смерти, как вы помните, только богохульствовал перед лицом неотвратимой распла-

ты за преступления, второй осознал вину за несправедливо прожитую жизнь, искренне раскаялся и был прощен от имени вечности, без возмездий и испытаний — простым великодушным порывом души. В аллегории этой есть урок и для преступников, и для судей. Поучительно и то, что этот второй разбойник остался в народной памяти навсегда как «благоразумный разбойник». Не свихнувшись от страха смерти, не фанатиком его сочли, а благоразумным! Вячеслав Костиков в статье «Блеск и нищета номенклатуры» тоже апеллирует не к совести руководящих захребетников, а к их здравому смыслу: «В глазах обывателя жизнь советской номенклатуры кажется верхом блаженства и достатка, тогда как в сравнении с развитыми капиталистическими странами ее существование не только убого (относительно, разумеется), но еще и унижительно, ибо советский номенклатурный служака свои удовольствия не покупает с достоинством обеспеченного человека, а украдкой, «за занавесочкой» откусывает от общего скудного пирога, порождая этим самым малопочтительные шепоты за спиной... И в этом смысле умному, критически мыслящему, новому поколению номенклатуры так же по пути с перестройкой, как и основной массе населения. Только вместе с перестройкой экономической и политической системы номенклатура может обрести материальное и нравственное достоинство и уважение» («Огонек», 1989, № 1, с. 15).

Один из мрачайших итогов сталинщины — вполне обоснованное убеждение наших граждан: трудом праведным не наживешь палат каменных! Только вору можно их нажить. Но ведь одна из целей перестройки — поставить в прямую зависимость достаток от пользы, которую мы приносим обществу. Большая польза — и достаток должен быть большим. Очень большая — и достаток соответствующий. Хватит потолка и уравниловки в честном труде, честном творчестве и честном предпринимательстве. В воровстве-то под грохот болтовни о социальной справедливости никто потолка не устанавливал. Только украденное и припрятанное становилось в нашей стране настоящей собственностью. Все остальное всегда можно было без труда «по закону» (которые чиновники имели возможность формулировать как им захочется) или без закона (что абсолютно ничего не меняло) в любой момент обесценить, урезать, отобрать, уничтожить... Вы все именно этой реальностью и сформированы. Где уж вам обрести благородство, если философия обогащения у вас законсервирована на стадии российской глубинки, воспетой Гоголем, Щедриным и Островским, где капиталы ковались на обвесе, обмаре, обмане, подкладывании в товар гнильцы, укороченном аршине и т. д. А ведь подлинные-то воротилы, коммерсанты, предприниматели еще в прошлом веке (и у нас в отечестве, а не только в туманах альбионов) уразумели, что самый надежный капитал у делового человека — его честное имя, добрая репутация, верность слову. Миллионы и даже миллиарды умные люди за них готовы заплатить. И внакладе они не остаются.

Так не пора ли и нам с вами поумнеть и перестать быть «аршинниками, архиплутами и протобестиями», щипачами и плебеями? Почему бы вам и нам сообща не перевернуть нашу дурацкую, разоряющую материально и растлевающую духовно систему экономического стимулирования с головы на ноги? Почему бы, допустим, организатору, предпринимателю, торговцу (и всем прочим) не становиться и по-настоящему обеспеченными и искренне уважаемыми людьми одновременно?

Вы даже представить себе не можете, какие вы нищие и при любых своих миллиардах из-за того, что не можете соединить и то и другое. Какое это изысканное и неприедающееся удовольствие — ощущать свое единство с народом, с порядочными людьми (да, да, с теми самыми, которые совершенно не «умеют жить», которых вы «презираете» именно потому, что ощущаете их неустрашимое превосходство над собой) в разрешении трудных проблем века! Вы даже самим себе боитесь признаться в ущербности, убогости своей «роскошной» жизни. У вас нет соратников по убеждениям, а есть соучастники; вам не доводится испытывать радостей дружбы, вы боитесь друг друга, предаете друг друга, не уважаете друг друга; вам неведомы восторги и муки высокой любви; расчетливые браки, интрижки, разврат — это совсем из другой области; вы и к детям своим равнодушны, «обеспечивая» их, вы только дешево откупаетесь от нравственного счета к вам... Как ни тужитесь вы казаться джентльменами и даже аристократами (одеваетесь в заграничное, нанимаете для детей гувернанток, истязаете себя на теннисных кортах...), но аристократы из вас копейные получаются. «Для лакея нет героя», — писал Лев Толстой, над которым лакеи весьма возносились за то, что этот граф сам за собой выносит ночной горшок. Вы тоже презираете тех, кто сам за собой выносит горшки.

Конечно, вокруг вас всегда грудится густая орава тех, кто жизнь готов положить, чтобы приобщиться к вашему плебейскому аристократизму, кто завидует мучительно вам с вашими всемогуществом и спецморковками. Они-то и создают у вас иллюзию вашего преуспевания, высоты, успеха. Но сознайтесь, вы же их презираете (хотя сами зачастую не столь давно были в их рядах). Велика ли радость воспарить над такими «вершинами»?

Нет, дамы и господа, положение ваше еще более дрянь, чем наше. Вам тоже дальше уже невозможно жить так, как вы жили. И не получится. В любом случае — и в случае вашего поражения, и в случае вашей победы. Жаль, что вы до сих пор этого еще не поняли и тратите отпущенный вам (и нам) мизерный остаток «живого времени», когда еще можно что-то сделать, что-то исправить, на борьбу за власть, на накопление денег и прочую ерунду.

Сентябрь 1989 г.

ВНИМАНИЕ! «ВТОРЫЕ» ВЫХОДЯТ ИЗ ТЕНИ!

ВСТУПЛЕНИЕ

Очереди у нас не любят, ругают, а экстремисты из межрегиональной группы норовят использовать факт их наличия для очернения наших революционных завоеваний. Несправедливо это. По-моему, именно очереди (а что же еще?) сделали советский народ самым интеллектуальным в мире. В очередях хорошо думается: времени — вдоволь, телефон не звонит, быт не отвлекает. На нарах, как утверждают бывалые люди, тоже хорошо думалось. Так вот стою я как-то в очереди за дефицитом и думаю. Естественно — о перестройке, о чем же нам, ее прорабам, еще думать? А конкретнее — о том, сколько загадок нами еще не разгадано, тайн не раскрыто.

Оглянитесь хотя бы на историю. В КГБ вон оглянулись и остолбенели от удивления: не было, оказывается, у нас никогда никаких «врагов народа»! Десятки миллионов представителей народа их коллеги не так уж и давно запытали, заморили, заморозили, думая, что есть, а оказалось — зря. Пригрезилось просто кому-то, будто есть. Так что само это ужасное словосочетание надо забыть навсегда. Ведь те, что пытали, морили и морозили, делали это с народом не как враги его, а как друзья. А также во имя порядка и, разумеется, для плана. Вот и встает уже в который раз вопрос: ну, а у перестройки сейчас тоже нет совсем врагов или все же есть отдельные? Если послушать воскресные телевизионные проповеди, горячо призывающие нас возлюбить врагов наших, то ведь получается, что и возлюбить-то некого, поскольку откуда же им, врагам, у нас в бесклассовом обществе взяться и где спрятаться, если все клеточки общественного организма просвечиваются всепроникающим благотворным влиянием партии, не говоря уж об осведомителях КГБ? Но в том и загадка, что пять лет уже у нас в стране все как один перестройку всемерно поддерживают, теоретически обосновывают, делами крепят, а она, болезненная, почему-то все на том же месте нервно топчется и на ладан с большими перебоями дышит. Сама себе враг, похоже.

Или такая вот загадка. Воспылал вдруг неприязню наш народ к своим уму, чести и совести. Да как сильно! Одно время прямо будто цунами по стране прокатилось — митинги, собрания, пикеты, кирпичи в окна, резолюции — убрать областное (городское или еще какое) партийное руководство! Дискредитирует оно идеи, которыми кормится, взятки оно берет, квартиры между родственниками делит, критиков в бараний рог закручивает и в качестве боевых трофеев на стены охотничьих домиков развешивает. С народом шутки плохи. «Цунами» это самое просто выметало из кресел одного за другим лидеров областных и городских (не считая районных) партийных организаций. В стране началось всенародное гулянье, ликование и высокое подбрасывание чепчи-

ков. Но когда чепчики собрали, отряхнули и положили обратно в комоды, над страной повисло напряженное, полное недоумения молчание: почти из всех с боями освобожденных кресел Жизнерадостно поглядывали на трудящихся бывшие вторые. И что интересно — почти везде их избирали предельно демократично, очень тайно и даже сплошь и рядом на альтернативной основе. Газета «Правда» запестрела мелкими сообщениями под заглавием «Состоялся пленум». Такого приблизительно содержания: Кировоград, 26 (ТАСС). Состоялся пленум Кировоградского обкома Компартии Украины, рассмотревший организационный вопрос. Пленум удовлетворил просьбу И. П. Самилька об освобождении его от обязанностей первого секретаря обкома партии в связи с переходом на другую работу (или: «в связи с уходом на пенсию», или: «в соответствии с поданным заявлением...»). Первым секретарем Кировоградского обкома партии тайным голосованием из трех кандидатур избран Е. В. Мармазов, работавший вторым секретарем («Правда», 27.04.90).

Очень, как оказалось, народ у нас любит вторых секретарей и вообще «вторых».

«Похоже, апрель 1990-го вместе с пятилетним юбилеем перестройки могут стать началом второй волны смены руководящих кадров», — Жизнерадостно вроде бы начинает свой материал Виктор Лошак, но далее ошарашенно констатируют загадочную особенность этой «второй волны».

«Вместо министра здравоохранения Евгения Чазова назначили его первого заместителя Игоря Денисова. Министра гражданской авиации Александра Волкова сменил его первый заместитель Борис Панюков... 37-летнего первого секретаря ЦК ВЛКСМ Виктора Мироненко сменил 36-летний секретарь Владимир Зюкин. Профсоюзы за двадцать минут, как подсчитал журналист одной из газет, проводили на отдых своего председателя Степана Шалаева и избрали его заместителя Геннадия Янаева... Загадки, загадки...» («Московские новости», 29.04.90).

Нелегкие загадки и мрачные какие-то, право слово. Начнешь над ними голову ломать — никакого удовольствия от стояния в очередях уже не получаешь. Посудите сами: всем ведь известно, что первые у нас руководят обычно на манер английской королевы — царствуют, своевольничают, номенклатурные блага в полном объеме получают, но страну разоряют и практические беззакония осуществляют обычными вторыми. Откуда же в народе к этим вторым такая любовь вдруг вспыхнула? Что же получается — на шумные мятежи чуть ли не все население областей поднималось только для того, чтобы первого на второго сменить? Так бы и остался я с этим своим недоумением до конца перестройки, если бы однажды среди откликов на свое «Открытое письмо ко всем бюрократам, коррупционерам, взяточникам, воротилам военно-промышленного комплекса, дельцам теневой экономики, мафиози и прочим захребетникам Советского Союза» не получил еще один, отпечатанный явно не профессиональной рукой, но зато на хорошей бумаге.

Прочитал я этот отклик, и очень много вопросов к перестройке у меня отпало само собой. И насчет того, есть ли у нас эксплуататорский класс — стало ясно, и насчет того, почему бухсует перестройка, и кто ее начинал и зачем начинал, и почему народ так любит «вторых», и можно ли с нашими захребетниками наши разногласия полюбовно уладить, и вообще, почему мы при нашем богатстве такие бедные...

Впрочем, письмо само за себя говорит более чем красноречиво. Поэтому предлагаю его вашему вниманию полностью, без всякой правки, оставив за собой право чуть ниже бегло прокомментировать некоторые его положения.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО АНДРЕЮ НУЙКИНУ И ПРОЧИМ ГЛАШАТАЯМ ПЕРЕСТРОЙКИ

Многоуважаемый Андрей!

Вы, надеюсь, извините меня за столь фамильярное обращение.

К сожалению, журнал «Огонек» и многие другие издания в последнее время почему-то отобрали у своих авторов отчества. Так что не взыщите.

Пишет Вам один из тех, кого Вы в своем «Открытом письме» назвали «захребетниками».

Скажу сразу, что за прозвище я отнюдь не в обиде, воспринимая его просто как некий термин, обозначающий определенное социальное явление.

Коротко о себе. Бюрократ областного масштаба. Лет от роду — 40. Русский. Рабочий стаж — 23 года, в т. ч. бюрократический — 15. Женат, имею двух детей.

Не был, не имею, не привлекался. И не собираюсь.

С другой стороны: состою, имею, участвовал. И не жалею.

Прочитав Ваше выступление в «Огоньке», понял, что для меня оно может иметь двойное истолкование.

Если Вы действительно написали все, что думаете, то дело Ваше дрянь, ибо долгонько еще придется Вам постигать меня — «захребетника» и своего противника во всей моей сложности.

Если же Вам пришлось писать не то или не совсем то, что Вы думаете, до полной гласности глашатаям перестройки так же далеко, как и до моей персональной пенсии.

Оба варианта вполне для меня приемлемы и вызывают массу положительных эмоций.

При всех обстоятельствах считаю своим долгом дать Вам решительный отпор, указать на Ваши ошибки, равно как и кое-что разъяснить. Если не Вам, то предполагаемому читателю и самому себе, так как изложение собственных соображений на бумаге само по себе способствует оформлению их в виде логической системы.

Начну с того, что мне в Вашем опусе понравилось. А понравилось мне употребление понятия «класс» в отношении тех, кого Вы называете «захребетниками». Вы то упоминаете наше «классовое чутье», то говорите о «наименее политически зрелой части вашего (т. е. **нашего**) класса». Из цитированных мест со всей очевидностью следует, что Вы считаете нас, «захребетников», классом.

Легко догадаться, что класс этот ничего общего ни с общеизвестным рабочим классом, ни с не менее известным колхозным крестьянством не имеет.

Но здесь Ваше перо остановилось. А ведь по логике вещей следовало дать классу «захребетников» не только название, но и определение. Не смогли? Или не захотели?

Если не смогли, то мне Вас жаль, ибо любой средней руки бюрократ это определение классовым чутьем «осязает», хотя и не всегда по «темноватости» своей сформулировать способен.

Если не захотели, то мне Вас жаль вдвойне, ибо трусость... (Вспомните, как там у Булгакова, я его слишком давно читал.) ...Словом, не самое это лучшее человеческое качество. Особенно для того, кто, как я Вас понимаю, собирается бороться не за кусок хлеба с маслом, но за некие идеалы.

На всякий случай определение это я все-таки сформулирую. Во-первых, приоритет, пусть даже и анонимный, мне льстит, а во-вторых, стоит ли дожидаться, пока Вы то ли прозреете, то ли храбрости наберетесь?

Итак: что же сие за феномен — класс «захребетников»?

Общественные классы — это, как известно, «большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению... к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» (В. И. Ленин, ПСС, т. 39, с. 15).

Здесь дано определение классов эксплуататорских и эксплуатируемых. Думается, что именно к эксплуататорскому мы должны отнести и мой родной класс «захребетников», так как мы, без сомнения, присваиваем себе чужой труд.

Обычно, определяя сущность того или иного класса, исходят из его отношения к средствам производства, выясняя, не является ли данный класс их собственником.

Однако в «исторически сложившейся в нашей стране системе общественного производства» средства производства являются общественной, общенародной или колхозно-кооперативной, сиречь ничьей, собственностью, а отношение к ним можно определить как соответствующее,

сиречь наплевательское, так что общепринятый способ вычленения класса здесь очевидно не подходит.

Речь, видимо, должна идти о месте данного класса в «определенном укладе общественного хозяйства».

Какое же такое место занимают в нашем укладе бюрократы, коррупционеры, взяточники, мафиози и прочие «захребетники», по Вашей, Андрей, терминологии?

Что позволяет им присваивать чужой труд?

Ответ напрашивается сам собой — это их отношение к прибавочному общественному продукту, выражающееся в возможности его перераспределения.

Перераспределение — это и есть тот способ получения доли богатства, характеризующий «класс захребетников».

Есть у тебя возможность перераспределить — реализуй ее, и ты — «захребетник». Нет такой возможности — ты... Здесь нам еще предстоит найти термин, а пока воспользуемся сталинским, указанным в Вашей статье. Баран.

Кто еще остался? Те, кто имеет возможность, но ее не реализует. Значит, просто дураки, которых, как известно, и в алтаре бьют.

Только не надо предполагать, что возможность перераспределения общественного продукта целиком находится в руках бюрократии. Упаси нас боже от подобной монополизации, существующей, естественно, как некий бюрократический идеал, но на практике совершенно недостижимой и даже вредной.

Дело в том, что, монополизировав функцию перераспределения полностью, мы, бюрократы, были бы немедленно сметены волной справедливого гнева угнетенных. Во избежание подобного мы последовательно расширяем и совершенствуем свою классовую опору, предоставляя возможность участия в перераспределении самым различным слоям, группам и просто отдельным личностям.

Если говорить конкретно, то прибавочный продукт, кроме нас, на разных уровнях перераспределяют — посчитаем на пальцах: сфера обслуживания — раз; сфера торговли — два; нецивилизованные (а других нет) кооператоры — три; несуну — четыре; лодыри и бездары, получающие зарплату за пребывание на рабочих местах, — пять; имеющие возможность ездить за рубеж — шесть; уголовная среда — семь; работники юстиции — восемь (двумя пальцами я печатаю, так что на этом и остановимся).

Для всех этих и многих других групп мы создаем условия: разваливаем экономику, пишем запутанные, двусмысленные и противоречивые инструкции, создаем товарный дефицит, оставляем «дыры» в издаваемых законах, проводим различные кампании, дезорганизуя рынок услуг и товаров.

И мы же эти группы контролируем: не даем зарываться, производя

периодические профилактические посадки, меняем их состав, облагаем данью.

Делается это, конечно, неосознанно; мы, бюрократы, в большинстве своем твердо уверены, что без нас немедленно наступит светопреставление с последующим одичанием и людоедством. Но не судите нас строго, так как ясное сознание своей объективной роли в социально-экономическом и политическом процессах — удел немногих. Думаю, что Наполеон, если бы кто-нибудь в полном соответствии с исторической правдой сообщил ему, что вся его деятельность служила интересам крупной французской буржуазии, не только бы этому не поверил, но и был бы возмущен. Он-то ведь наверняка считал, что боролся за славу и величие Франции в целом, за создание «общеевропейского дома» и т. п.

Персональный и профессиональный состав нашего класса постоянно изменяется. В этом — источник нашей силы и неуязвимости.

Сегодня ты — баран на производстве зубных щеток с окладом 180 рублей. Завтра мы сократили лимиты на пластмассу, грянул зубощеточный дефицит. Теперь ты «захребетник». Перераспределяй, не теряйся!

Вот он каков, наш класс! Пойди, поборись с этой аморфной, растекающейся массой! Руби ее мечом, жги огнем, трави кислотой — она лишь колыхнется немного, отползет в сторону и преспокойно продолжит свою деятельность.

Что же этой массе, которую никто не считал и не учитывал, могут предложить перестройщики? Оздоровление экономики? Три «ха-ха», как шутили в дни Вашей молодости, Андрей. Оздоровление предполагает необходимость трудиться, а трудиться «захребетники» как раз и не умеют. Разучились. А что они умеют?

Пожалуйста: пять рублей за плохо починенный кран на кухне взять — раз; дефицит за четвертной из-под прилавка вынуть — два; килограмм шашлыка вместо пяти рублей за двадцать пять продать — три; подшипник копеечный, но дефицитный из цеха за червонец вынести — четыре; восемь часов в своем НИИ за пособие по безработице высиживать — пять; видюшник от бабушки из-за бугра скинуть — шесть; шапку с прохожего в темном переулке снять — семь; уголовное дело за умеренную мзду закрыть — восемь. А еще можем мы, «захребетники», любого, кто на наш модус вивенди покусится, в порошок стереть.

Вы, Андрей, можете возразить. Дескать, шапки снимают с тех, кто от бабушки видюшники привозит, — другие просто и снимать смысла нет. Получается, что наш класс сам себя и грабит? Получается, что так. Внутри класса «захребетников» идет постоянное перераспределение изъятых у баранов ценностей; это, однако, не мешает всему классу стричь баранов с прежней, а то и возрастающей интенсивностью. Кроме того, ограбленный дочиста «захребетник» переходит обратно в бараны, а на его место рекрутируется кто-нибудь из последних. Таким образом за-

хребетная философия распространяется и среди баранов, поражая волю их к сопротивлению эксплуататорам.

Маленький исторический экскурс. В царствование императрицы Анны Иоанновны, после разорительного петровского скачка, когда страна, терзаемая и растаскиваемая временщиками, пребывала в глубоком застое, некий юродивый сформулировал основной постулат общественной жизни следующим образом: «Мы, русские, с голоду не померем: мы друг друга едим и с того сыты бываем».

Знакомая картинка?

Теперь, разъяснив, как я надеюсь, сущность своего класса и его основные черты, попробую подробнее остановиться на некоторых положениях Вашей статьи.

Вы, Андрей, высказываете мнение, что «вы (т. е. мой класс) могли бы уже не раз покончить с перестройкой» и задается вопросом: почему это мы не торопимся перестройку приканчивать?

Совершенно верно. Прикончить ее мы могли бы в любой момент. Даже до рождения — в зародыше. Только не следует забывать, что перестройку начали именно **мы** — пусть в лице отдельных личностей, представляющих наиболее политически зрелую часть нашего класса, — но именно мы, «захребетники». И мы же могли это начинание в свое время с успехом похоронить, не считаясь с высоким положением его инициаторов. Сведения о нашей бюрократической послушности и исполнительности сильно, как говорится, преувеличены и отражают лишь внешнюю сторону дела.

Любое начинание, любую реформу мы поддерживаем и претворяем в жизнь лишь в той степени и в той части, в какой они служат или отвечают нашим интересам.

То же, что этим интересам не отвечало или противоречило, мы от века либо хоронили, либо под пламенные речи и клятвы доводили до полного абсурда, так что потом только хоронить и оставалось.

И никакие авторитеты над нами в таких случаях не довели.

Почитайте-ка ленинские письма относительно концессии, которую предлагал нашей стране Арманд Хаммер! (ПСС, т. 54).

Председатель Совнаркома, первое лицо в государстве, требует:

— Создать условия, помочь, наладить, оказать содействие!

Не создали, не помогли, не наладили, не оказали.

Вождь мирового пролетариата, организатор революции негодует:

— Найти, привлечь, наказать.

Не нашли, не привлекли, не наказали.

Так и похоронили концессию. Теперь трудно уже выяснить, чем эта концессия нашего брата-бюрократа ущемляла, но, видимо, имелись для ее торжественного захоронения веские основания.

Точно такие же серьезные основания имелись у класса «захребетников», когда мы санкционировали перестройку и впоследствии сохранили ей жизнь.

Какие же это основания? Ответу самым конкретным образом.

Когда перестройка начиналась, мне было тридцать шесть. И был я, заметьте, по **нашему** счету вторым. А надо мной, как водится, был первый. И было моему первому шестьдесят.

Учитывая тот неоспоримый факт, что медицинское обслуживание на уровне первых — отличное, а условия (чуть не написал — труда) — хоть куда, можно было почти безошибочно предположить, что сидеть моему первому на своем месте еще лет пятнадцать. И, заметьте, ровно столько же сидел бы я, второй, на своем втором месте. А по всей стране — аналогичная картина, ибо основная масса первых стала таковой после последнего катаклизма 1964 года. За это время первые получили все, что могли, и отдавать это «все» в наши вторые руки отнюдь не собирались.

Конечно, каждый второй мог подсиживать своего первого в индивидуальном порядке, что сплошь и рядом и делалось. Однако индивидуальное подсиживание — дело сколь хлопотное, столь и рискованное: вполне можно из вторых во вторую сотню вылететь.

А тут — перестройка! Для кого — оздоровление экономики, для кого — правовое государство, для кого — гласность и плюрализм.

А для нас, «захребетников», — возможность безопасно и безболезненно переделить пирог власти не в «индивидуальном порядке», но в масштабе всей страны, причем на законном основании, т. е. «в свете решений».

Новое мышление?.. У кого?

— У меня, у второго, мне еще до пенсии двадцать лет.

Энергия?..

— У меня, у второго. Разве не видите? Первый рыбку удит, а я в теннис, как Вы справедливо, Андрей, заметили, играю.

Ура перестройке! Ну-ка, дружно!

Вытащили репку, посадили другую. Утерли пот. Мы — перестроились!

Что там осталось? — Оздоровление экономики? Это не по нашей части. Правовое государство? — Мы — за. В перспективе и хорошенько подумавши.

Гласность с плюрализмом? — В любое время после трех подписей и четырех виз.

Так почему же, спросите Вы, Андрей, мы перестройку сразу же после передела пирога не придумали?

Ответу как на духу. Дело все как раз в экономике. Перестройщики ее как раз оздоравливать собрались. Нам, «захребетникам», здоровая экономика не нужна. Нам надо, чтобы она, родимая, ни жива, ни мертва лежала. Мы вокруг нее в белых халатах суетимся, тем и кормимся. Помирать, разумеется, окончательно не даем, но и на ноги чтобы встать — ни-ни, так как зачем ей, здоровой, такая прорва медперсонала?

А перестройщики что нам предлагают? — Лечить. Что ж, мы, «захребетники», не против. И устроили мы в порядке перестройки занятую игру. Разные умные дяди — «прорабы перестройки» — прописывают экономике разные лекарства. А мы эти лекарства выдаем пациентке по своему усмотрению: в нужных нам дозах и в устраивающие нас сроки.

При таком лечении экономике не только со смертного одра не встать, но и хрипом смертным захрипеть весьма вероятно.

Хрипела она, правда, и раньше, но тогда нам самим виноватых искать приходилось...

Помните, Андрей?

Правильно. Такого не забудешь. Кулаки, вредители, международный империализм, сионизм, волонтаризм. Правые уклонисты, левые уклонисты, врачи-отравители. Шпионы-диверсанты и главный вражеский агент Берия.

А теперь? Теперь даже искать не нужно. Всем и каждому ясно, что коли больной хрипит, то виноваты те, кто ему лекарства прописывал. Где они? — Вот они! Статьи пишут, с трибун гремят, на митингах соловыми разливаются. Все до единого поименно известны.

Прикажете пример? — Вот Вам самый злободневный — кооперация. Мы — за кооперацию. Только кооперация эта будет не по-вашему, а по-нашему. Вы, перестройщики, прописали больной экономике ленинский строй «цивилизованных кооператоров».

А мы, «захребетники», будучи всегда, когда нужно, туговаты на ухо, слово «цивилизованный» не расслышали. Покрутилось это словечко в разговорах, а в постановлениях и вовсе куда-то пропало. И полез на свет божий кооператор нецивилизованный — наш же брат «захребетник». Перераспределитель воды чистой и огранки изумительнейшей. И повязан этот кооператор с нами, бюрократами, не токмо что одной веревочкой, но стальным тросом.

Вы, Андрей, не слыхали, сколько надо заплатить кому надо, чтобы получить под кооператив помещение, разрешение и оборудование?

Слыхали.

А кто, по-вашему, этот самый кто-то, «кому надо»?

Я, он, мы. «Захребетники». Не Абалкину же платить за разрешение продавать трехрублевый шашлык из мяса неведомых зверей по двадцать рублей в местах скопления нестриженных баранов?

И получилась из идеи оздоровления экономики посредством кооперации еще одна интересная и, главное, беспригонышная для «захребетников» игра.

Чтобы организовать кооператив и обеспечить его работу, ты несешь на все уровни дензнаки, совершая тем самым деяние, достаточное для ликвидации твоего детища. Чтобы этой ликвидации избежать — несешь опять. Такой вот приятно-замкнутый круг с астрономическими ценами в центре. И крутится в этом кругу кооператор, превращаясь в нового «захребетника» и отложив все мысли о своей «цивилизованности» на бо-

лее благоприятное время, имеющее наступить в ближайший четверг после осадков по сигналу сверху. Моему сигналу.

А я, как легко догадаться, сигнала такого давать не собираюсь. А собираюсь я озаботиться строгим исполнением нового постановления о «переборе» всех имеющихся кооперативов и разделении их на чистые и нечистые, которое примет очередная сессия энтузиастов.

Цивилизованности от этого перебора в моем исполнении кооператорам не прибавится, сам я внакладе не останусь, а отвечать опять энтузиастам придется.

И пусть эти самые энтузиасты потом оправдываются, что имели они в виду совсем не то, а нечто другое. Большинство населения им не поверит. Мало ли кто и чего в виду имел?! Главное-то — что из всего этого получилось.

Недаром ходит уже полвека по стране анекдот про Маркса, который, воскреснув и оглядевшись, только что и смог вымолвить:

— Пролетарии всех стран, простите меня!

Не знаю, как Маркса, а вас, перестройщиков, пролетарии простить захотят вряд ли. И объяснений не примут. Ибо не желаниями и намерениями определяются результаты нашей деятельности, но умением воплотить эти намерения и желания в жизнь, не подвергая их искажениям.

А умения такого в перестройщиках очевидно не наблюдается, так как само воплощение своих идей в жизнь доверили они нам, «захребетникам». Свидетельство тому — наше безмятежное пребывание у власти, отнюдь не омрачаемое нетленными призывами типа «Вся власть Советам».

Что же до власти, то здесь Вы, Андрей, высказали удивительное для столь искушенного полемиста по своей противоречивости суждение, вопросив: «почему вы ее (т. е. власть) не берете? (Хотя из рук не выпускаете.)»

Замечу, что если власть у меня в руках, — значит, я ее уже взял. И спрашивать, почему я ее не беру, по меньшей мере наивно. И еще более наивно звучит Ваш ответ на Ваш же собственный вопрос: «Мне кажется, что, сорвав перестройку, вам пришлось бы полностью брать власть в свои руки».

Сорвав перестройку немедленно, нам пришлось бы брать на себя не власть, которую, как я показал, мы сохранили, оставшись при перераспределении, а ответственность.

Пока же власть у нас, а ответственность — у вас. И нас, «захребетников», такое положение вещей вполне устраивает.

Сохраняя командные высоты, мы с удовольствием продолжим созерцание вашей самодискредитации, оказывая вам в этом деле полное анонимное содействие.

Вспомните: что бы там ни придумывал тренер, воплощение остается в руках команды. А коли уж команде оставлены командные высоты, т. е. право оставаться в неизменном составе, то тренеру остается либо

уходить, оставаясь виноватым, либо делать только то, что команде угодно.

Так что вопрос о власти просто не стоит. Пока. Но надеюсь, что на наш век этого «пока» хватит.

А теперь поговорим о том времени, когда это блаженное «пока» кончится.

Для этого обратимся к апокалиптической, или, как Вы выражаетесь, апокалипсической, части Вашего послания.

Припоминаю. Нитраты, пестициды, СПИД, алкоголизм, наркомания, дебилизация, вырождение и т. д.

Картина неприглядная.

Но на то она и картина, чтобы ее можно было закрыть занавеской, поставить лицом к стене, спрятать в запасники.

Вот Вам, Андрей, интересный исторический факт: в Кремле в XVII веке провели водопровод. Из свинцовых труб. И пила вся царская семья отравленную водичку, и помирали наши правители вместе с чадами и домочадцами в среднем лет на десять ранее отпущенного им срока. Но помирали, заметьте, с легким сердцем. Картина была в запаснике.

И пребывала она там до самого последнего времени при активном нашем, «захребетников», содействии. Проявляя гуманность, мы предоставили населению нашей цветущей страны одну из самых прекрасных в мире возможностей — помирать с легким сердцем и светлой верой в родную медицину.

Но вот являетесь вы, перестройщики, вытаскиваете полотно из запасника и начинаете пугать грешников его апокалиптическим содержанием.

А дальше что? Неужто мы эту картину раньше вас не видели? Видали. Но сделать ничего не могли. Лишнего общественного продукта на решение экологических проблем у нас нет. А отрывать этот самый продукт от самих себя мы не можем, так как если оторвем, то автоматически прекратим свое в качестве класса существование. А где это вы видели класс, который сам себе могилу роет и сам в нее ложиться изволит?

Вот и кричите теперь об экологии, пока не надоест или вам самим, или вашим слушателям. А когда надоест, мы эту апокалипсическую картину — опять в запасники. Без всякой натуги. Возьмем и повысим ПДК еще раз этак в десять. Волевым анонимным актом. При полном научном обосновании — даром что ли в наше время мы напекли кучу захребетных докторов наук, которые ПДК с КПД путают?

Что до дебилизации населения, то она нам не так уж страшна. Во-первых, грань между дебилом и нормальным человеком столь мало заметна, что в нашей власти с тем же полным научным обоснованием перевести часть дебилов, чтобы статистику не портили, в нормальные люди. Во-вторых, сам по себе дебил даже и не плох. С ним, как и с алкоголиком, легко управляться, многого он не просит, работу несложную

выполняет, ни в чем дурном не замечен. Кстати, дебил даже и не знает, что он — дебил. И с Вашей стороны, Андрей, открывать ему сию тайну просто негуманно. Если же сознания подобного антигуманизма Вам для того, чтобы убрать с глаз долой апокалиптические виды, недостаточно, то подумайте о другом.

Почему Вы так твердо уверены, что природа в процессе эволюции имела своей целью создание именно Хомо сапиенс в его нынешнем виде, то есть Андрея Нуйкина с двумя руками, двумя ногами, парой глаз и одним языком? Откуда такая уверенность? Может быть, вселенская программа ориентирована как раз на дальнейшие антропогенные мутации? Может быть, путь прогресса ведет нас прямо к какому-нибудь двенадцатижаберному трехглазому и хвостатому индивиду, которому ни нитраты, ни пестициды, ни проникающая радиация не только не вредны, но даже и полезны?

А Вы, Андрей, своими пророчествами в духе Иоанна Богослова прогрессивный сей путь канавами перекапываете. И не становитесь ли Вы похожи на некоего неандертальского мудреца, который жизнь свою положил на борьбу с выпаданием у своих соплеменников волос, ибо почитал этот процесс за вырождение вида?

Вы оценили, как интеллигентно я Вам предоставил возможность отступления? На чисто научной основе! Подумайте над этим вариантом. Право, стоит того. А коли согласитесь, мы, глядишь, Вам что-нибудь при перераспределении и уделим. Что тут плохого? Не Вы будете первым, не Вы последним.

А теперь последнее. Вы, Андрей, обращаетесь к нам с предложением «поумнеть», «перевернуть нашу дурацкую, разоряющую материально и растлевающую духовно систему экономического стимулирования с головы на ноги». И это после того, как Вы называли нас «деловыми людьми» и признали нас классом.

И этому-то классу, главным условием существования которого и является стоящая на голове «система экономического стимулирования», Вы предлагаете в лучших традициях мирового утопизма общества строить светлое будущее.

Вы предлагаете нам отказаться от своего классового господства? — Прекрасно!

А что Вы можете предложить нам взамен? Место дворника в поставленной на ноги экономической системе?

На большее нам, прошедшим путь длительного отбора и приспособления к совершенно специфической деятельности в условиях нашей не менее специфической экономики, рассчитывать не приходится. Куда пойти мне, человеку с пятнадцатилетним стажем угадывания намерений начальства и взвешивания на лабораторных весах возможностей того или иного кандидата на то или иное место в иерархической структуре? Кому в условиях нормальной экономики понадобится мое высшее техническое образование, вернее, полученный когда-то диплом?

Куда деться снайперу в условиях всеобщего и полного разоружения?

Об этом Вы подумали, предлагая мне добровольно уйти от власти? Отдайте, будьте добры, жену дяде...

Вам даже откупиться от меня нечем, так как больше того, что я имею, Вы мне не дадите, а в тот момент, когда я откажусь от власти, никто не гарантирует мне безопасности моих сбережений от конфискации на алтарь...

Так что не рассчитывайте, Андрей, будто мы сами поможем Вам рыть **нашу** могилу и ляжем в нее по первому требованию. Никак нет. Да и по второму не ляжем. И по третьему тоже.

Как класс мы будем бороться за сохранение своего «места в определенном укладе общественного хозяйства» и за самый этот уклад, не щадя крови и самой жизни своих классовых врагов.

Вспомните историю! Где и когда один класс уступал господство другому без большего или меньшего кровопускания?

И не Вам объяснять, что с развитием средств массового уничтожения масштабы подобных кровопусканий отнюдь не уменьшаются.

Сравните, во что обошлись народам английская буржуазная, Великая французская и Октябрьская социалистическая революции?

Прогрессия более чем очевидная. И Вы, Андрей, интеллигентный человек, печалующийся о рыбках и птичках, на подобное кровопролитие решитесь? На новую гражданскую войну со всеми предреченными Вами же апокалиптическими ужасами?

Я в это не верю. А потому и не боюсь. Ни Вас, ни Ваших единомышленников. Ни за себя лично, ни за **наш** класс. Потому, что любая борьба угнетенного класса за свои права против «захребетников» без интеллигентных руководителей неминуемо превратится в «игру в одни ворота», где бомбардирами будем мы: «захребетники», бюрократы, коррупционеры, мафиози и пр.

Извините за несколько сумбурный характер моего письма. Мне давно не приходилось излагать свои мысли в письменной форме. Бюрократу, сами понимаете, это ни к чему.

Прошу также простить за опечатки — времени мало, а отдавать подобное письмо секретарше на перепечатку — не в традициях нашего класса.

Следуя тем же традициям, я предпочитаю анонимность, хотя, разумеется, и хотел бы увидеть свое письмо напечатанным. Мне, анониму, это ничем не грозит, а удовольствие доставит.

Если же достигнутый журналом «Огонек» уровень плюрализма не позволит опубликовать письмо, то я по крайней мере удовлетворюсь точным его (уровня плюрализма) определением.

Коли же Ваш, Андрей, личный плюрализм несколько отличается от редакционного, я буду рад узнать Ваше мнение по этому вопросу.

Остаюсь по-прежнему Вашим непримиримым врагом

Бюрократ.

НЕБОЛЬШОЙ КОММЕНТАРИЙ

Прочитали? Ну и как вам? Меня лично письмо моего Непримиримого Врага очень порадовало. Во-первых, в порыве тщеславной болтливости он разгласил целый ряд важных классовых тайн. А во-вторых, какой слог, сколько экспрессии, игры ума!.. Ума, конечно, искалеченного воспитанием и службой, но явно не ординарного по исходному материалу.

Кого-то, возможно, шокируют, даже возмутят неуважительные, более того презрительные аттестации, выданные нам, «перестройщикам», и всему трудовому народу вообще? Зря. На правду, даже если она высказана несколько прямолинейно, обижаться не стоит. А то, что уважаемый Захребетник пишет о сущности своего класса, о внедренной этим классом системе управления, о способах «стрижки» народонаселения, о причинах, побудивших правящий класс провозгласить перестройку, о том, почему она (вместе с нашей экономикой) и не помирает, и не выздоравливает, и о многом другом — все правда! И о том, что мы, «новая историческая общность», именуемая советскими людьми, — бараны, — тоже. Чего уж тут самообольщаться. И то, что внутренний, аппаратный смысл перестройки — сделать армаду засидевшихся в засаде Вторых Первыми, тоже очень на правду похоже.

Может возникнуть вопрос: чего это наш Второй так разоткровенничался? Не памфлет ведь у него получился, как ему замышлялось, а прямо стриптиз какой-то! Обнажающийся же сорокалетний, засидевшийся в чиновничьем кресле бюрократ, даже если он изредка и занимается теннисом, — зрелище, согласитесь, малоаппетитное. Мне кажется, тщеславие его в грех ввело. Дело в том, что по уму, по некоторой начитанности, по опасной склонности к философствованию и умению написать что-то, не укладывающееся в канцелярские жанры, наш Второй явно выделяется из обычного контингента партийно-государственных чиновников. То, что он пишет, упиваясь всемогуществом своего класса и созданной его гением системы управления баранами, в общем-то в кругах не философствующих, а думающих давно не новинка. Но Второй-то об этом не подозревает! Он-то убежден, что первым раскусил все недоступные простым смертным секреты взаимоотношения хозяев жизни и глупого народа. Его открытия кажутся ему эпохальными, выделяющими его среди всех крестных отцов системы. Но с кем, подумайте, он может поделиться своими открытиями? С Первым, который всерьез воспринимает свое захребетничество как великую миссию по внедрению всеобщего счастья на вверенной ему территории? Покуситься на его лицемерие — значит оказаться даже и не во второй сотне, а значительно дальше.

С Третьим? Этот поддакнет, поразится мудрости, глубине понимания мироздания и тотчас испишет десяток страниц убористым почерком в некоем досье, припасенном на тот момент, когда созреет ситуация стать Вторым, а если себя умненько повести, то и Первым.

Вот и приходится делиться сокровенными открытиями со своим Врагом, щеголяя беспощадной логикой, неприкрашиваемым цинизмом и небрежными ссылками на Ленина, Булгакова и Иоанна Богослова. Просто физически ощущаешь в тексте, как давно хотелось автору пощеголять всем этим: умом, цинизмом, начитанностью... А где было щеголять? В своем кругу — рискованно, там не любят ни одного, ни другого, ни третьего. То есть цинизм где-нибудь в сауне или на дачке в узком кругу допускается, но в определенных пределах и не при посторонних же!

Однако улавливается в письме и еще один побудительный мотив. Совсем тайный, подавляемый и маскируемый автором даже от самого себя.

«Я в это не верю. А потому и не боюсь. Ни Вас, ни Ваших единомышленников. Ни за себя лично, ни за наш класс», — твердо подводит Второй резюме всей своей полемики с моим «Открытым письмом».

Во что же именно он «не верит»? А в то, что я и мои единомышленники, люди постыдно интеллигентные, решимся на кровопролитие, на новую гражданскую войну со всеми предреченными мной апокалипсическими ужасами (а без этого власти у захребетников не отнять, ибо его класс будет бороться за свое место под солнцем, «не щадя крови и самой жизни своих классовых врагов»). Лукавит уважаемый коллега. Притворятся, что не понял предостережений. Ни я, ни мои интеллигентные единомышленники, конечно, по своей инициативе кровавой гражданской войны не затеют. В лепешку расшибутся, чтобы ее избежать. И прямо про то речь шла. Этого-то класс захребетников может не бояться. Другого ему надо бояться (о чем и шла речь) — их безрассудный экономический и нравственный беспредел сам приведет к кровавой схватке, где править бал будут не интеллигенты. И вот в это-то Второй явно поверил. Да и как не поверить очевидному? Поверил и испугался. Не случайно он ничего не ответил на напоминание про народный гнев, который не раз уже сметал за историю захребетников, что были никак не глупее нынешних, да и в жизнь куда более прочно укорененными. Что тут ответишь? Было. Значит, может и повториться. А испугавшись, Второй начал пугать нас. Всемогуществом своего класса, полной неуязвимостью его: «Пойди, поборись с этой аморфной, растекающейся массой! Руби ее мечом, жги огнем, трави кислотой — она лишь колыхнется немного, отползет в сторону и преспокойно продолжит свою деятельность».

Это не пустые слова, много в них точно понятого, верно описанного. Много, но не все. Есть и у нашего кощея своя игла, и очень кощею хочется, чтобы о месте ее сокрытия никто не догадался. Отсюда и заклинания, настраивающие на полную безнадежность борьбы. Отсюда и поразительная откровенность саморазоблачений.

Автор словно говорит нам: вы думаете, если раскусили наши шулерские приемы, то нам конец? Три «ха-ха!». Пожалуйста, мы можем играть с вами в открытую. Нам нет нужды тратить на крапленые карты и унижаться до передергивания — вы в любом случае проиграете вчитую, ибо колода как была, так и остается в наших руках, и ничто не помешает нам в любой момент сдать себе все тузы, а вам — только шестерки. Ну, а потом — тягайтесь!

В своем письме Второй, по-моему, это и делает: открывает с усмешкой все свои карты, демонстрируя, что там одни тузы и десятки, а стало быть, наша игра заведомо проиграна. Ни за себя, ни за класс он не боится. Ни капельки.

«Не боится»?! Чего же он тогда не ставит свою фамилию под письмом? Чего же он пишет его тайно от соратников, жены и секретарши и, даже не чувствуя злой иронии слов, называет свою анонимку «Открытым» (!) письмом?

Нет, господа, не так уж прочно положение наших захребетников, если второй человек в области (сейчас, вполне может быть, уже и первый?) тратит свободные вечера (которые у него, конечно, наперечет) на сочинение обширного послания какому-то не обремененному должностями публицисту, старается поразить его эрудицией, блеском иронии, остатками вузовской латыни...

Знаете, временами мне даже становилось по-человечески жалко своего «непримиримого» классового врага.

Не получилась у него жизнь, а ведь задатки явно были не плохие. За навязчиво демонстрируемыми им уверенностью, даже бахвальством отчетливо проглядывают какое-то смятение, какая-то надтреснутость, какой-то мучительный комплекс неполноценности. Не отсюда ли и напускная повышенная бодрость тона, и навязчивая демонстрация «аристократизма», эстетской изысканности (задел все-таки, похоже, его разговор о плебействе нынешних хозяев жизни!).

Даже цинизм его какой-то чересчур демонстративный. За внешней легкой иронией (в адрес себя и своего класса) нет-нет да прорвется тяжелая нота самоубийственного сарказма: «...мне, человеку с пятнадцатилетним стажем угадывания намерений начальства...» Да и за лихостью рассуждений о том, как просто с помощью армады готовых маму родную на мясозаготовки продать докторов наук (путающих ПДК и КПД) простым росчерком пера сделать картину отравляемой природы в десять раз светлее, или о том, как легко руководить дебилами, проглядывает тоска по иной жизни, иной карьере. И то сказать, что за радость

быть Вторым, пусть даже Первым среди жизнерадостных и исполненных почтительности дебилов?

Но тут, пролив исполненную абстрактного гуманизма слезу жалости над горькой судьбой преуспевающего Захребетника, пора вернуться и к нашим собственным заботам. И осознать, что человеческие нотки смятения, самоиронии и сострадания к разграбленному, испохабленному им миру Второй может себе позволить только раз в пятнадцать лет, запершись в кабинете (или на кухне?), тайно от соратников по партии и классу. Можно не сомневаться, что реальным его каждодневным поведением безоговорочно руководит боевая установка: «Как класс мы будем бороться за сохранение своего места в определенном укладе общественного хозяйства и за самый этот уклад, не щадя крови и самой жизни своих классовых врагов». И к «кровопусканию», по сравнению с которым те, что были организованы прошлыми сходящими со сцены классами захребетников, — детские игрушки, он полностью готов.

Что ж, спасибо за откровенность. Все-таки, стало быть, в отношениях между моралью и политикой со времен Гитлера намечается некоторый прогресс. Наши «властители мира» готовятся напасть на свой народ с предварительным объявлением ему войны. Авторам писем в «Правду» и «Советскую Россию» это должно дать новый импульс для того, чтобы поднять еще одну волну энтузиазма и признательности к столь человеколюбивому и заботливому режиму и призвать нас быстрее бежать к станкам, чтобы работать, работать и работать! А то нашим захребетникам скоро абсолютно нечего будет с нас состригать. Придется им на улицах друг с друга ондатровые шапки срывать и нелегально за границу за валюту переправлять, что может окончательно подорвать авторитет социализма у прогрессивной мировой общественности.

Июнь 1990 г.

И ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОЦИАЛИЗМ!..

(Опыт иронической политологии)

Делайте со мной что хотите, но за Маркса я буду заступаться. Конечно, были в его расчетах отдельные просчеты, и вообще, с пятым пунктом у него было не все в порядке, но без него нам в нашей жизни не разобраться. Хотя на части меня режьте — буду на этом настаивать. И не одобряю я тех людей, которые сами в трех соснах заблудились, а обижаются за это на Маркса. «Что за безобразие! — возмущаются. — Нам говорили: мир развивается по Марксу, а он, оказывается, развивается как-то по-другому! Мыла, к примеру, Маркс обещал при социализме по потребностям, а его приходится доставать по благу, то есть по способно-

стям. И о том, что простые чулки можно продавать только умершим, а носки — только инвалидам ВОВ и «афганцам» («АиФ», 1990, № 23), Маркс в трех томах «Капитала» ни одной строчкой не обмолвился, и вообще, что он на заре новой эры ни пророчил — все как бы наоборот получилось! Возьмите хотя бы современных пролетариев, они ведь повсеместно категорически отказываются исполнять свою историческую миссию — быть могильщиками капитализма, ибо при этом самом капитализме житье у них оказалось несопоставимо более сытным и вольготным, чем при социализме. Да и с главным методологическим постулатом, будто экономика определяет и политику и все остальное, недоразумение вышло: в нашей стране, специально выделенной для экспериментальной проверки всех марксовых теорий, идеология как в семнадцатом подмяла под себя и политику и экономику, так и стоит до сих пор у них ногами на горле!..»

Из-за «абсолютного обнищания» пролетариата тоже на Маркса некоторые обижаются. Неувязка какая-то с этим обнищанием вышла. Специальные экспедиции институт марксизма-ленинизма в самые капиталистические из стран одну за другой посылает (от желающих своими глазами убедиться в наличии обнищания, говорят, отбоя нет!), но пока оно, увы, так и не обнаружено. Относительное, правда, фиксируется (я имею в виду обнищание советских туристов относительно нищих западных стран), но этот вид обнищания не диссертабелен, ибо марксовой теорией не предусмотрен.

Короче говоря, хотя учение Маркса и всеильно, но круг скептиков и нигилистов, не верящих, что оно к тому же еще и «верно», стремительно ширится. Что можно сказать в ответ на это? В ответ на это можно сказать только одно: вы, господа, сначала все-таки расспросите у знающих людей, где имение, а где наводнение, и лишь потом начинайте Маркса марксизму учить.

Начнем с того, что даже неграмотный чеховский «злоумышленник» и то понимал: брат за брата не ответчик! Основоположник за основоположника — тоже. Говорили ли Маркс с Энгельсом, будто социализм можно построить в одной отдельно взятой экономически недоразвитой стране? Не говорили. Это Ленин говорил. Ленин, спору нет, считал себя верным учеником Маркса, но Маркс-то его своим учеником не считал. Это во-первых. А во-вторых, и сам Ленин хотя и горячо на эту тему высказывался, но не столь уж определено. Ну, а вдруг его (социализм то есть) действительно где-то можно построить? В какой-нибудь другой, более доверчивой, конечно, стране. Однако в любом случае следует признать, что Маркс подобных мечтаний себе не позволял. Более того, утверждал прямо противоположное. «Ни одна общественная формация, — так вот он утверждал, — не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, более высокие производственные отношения никогда не появятся раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах

самого старого общества» (Соч., Т. 13, с. 7). Слышите? «Никогда! Мало того, социалистические отношения, по Марксу, должны «созреть» в недрах капитализма на высших стадиях его развития. Обязательно «созреть» и обязательно «в недрах»!

Вы уже уловили, куда я клоню? Нет еще? Тогда от Маркса обратимся к Сталину, он писал доходчивее, к тому же сумел проверить все формулы марксизма на практике, которая, как известно, есть главный дегустатор истины.

Согласно принципу демократического централизма, лежащему в основе мироздания, все явления делятся на главные («основные») и те, которые этих главных должны слушаться. Но даже и главные законы — это не самое главное в мироздании. Самое главное в нем — мудрые указания вождей, которым единственно и дано определять, какие законы нужно считать «основными», какие — вспомогательными. Сталин позволяя себе формулировать только основные, предоставляя полчищам обществоведов приспособлять к предложенным им формулам все остальные малозначащие законы и реальности. Зато уже с основными экономическими законами капитализма и социализма вождь обращался как равный с равными, уделяя им в своих трудах немало лестного для них внимания. Давайте же полистаем эти труды и вспомним, до чего общество должно докатиться, чтобы люди вынуждены были с негодованием называть его капиталистическим, и как оно должно себя вести, чтобы получить право гордо именоваться социалистическим?

В одном случае основной экономический закон состоит в «обеспечении максимальной... прибыли путем эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения данной страны, путем закабаления и систематического ограбления народов других стран, особенно отсталых стран, наконец, путем войн и милитаризации народного хозяйства». Вторым основным законом, наоборот, состоит «в обеспечении максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования... производства на базе высшей техники».

Сознаюсь, цитируя, я в местах многоточий пропустил по слову: в одном случае «капиталистической», в другом — «социалистической». Нарочно. Чтобы вы попробовали угадать, в каком случае какое слово больше подходит. Попробовали? Вот то-то и оно.

Если верить Сталину (а как же ему не верить? Сталин делу построения социализма жизнь отдал! И не одну, а десятки миллионов), то по всем статьям получается, что у НИХ там — социализм в разгаре, а у НАС — совсем наоборот, то есть чистый капитализм, притом в его высшей, «загнивающей» форме.

Шучу? Сатирой забавляюсь? Что ж, примерьте признаки формаций сами — к НИМ и к НАМ. Или вы, может быть, думаете, что Иосиф Виссарионович шутки шутил, разрабатывая теорию обострения классовой борьбы в процессе все ускоряющейся ликвидации классов? Хороши

«шутки», если после них органами НКВД на самом деле ликвидировались целые классы, не говоря уж о всякого рода высоколобых прослойках.

Можете у любого из наших экспертов в области марксизма-сталинизма спросить, я не сомневаюсь, он подтвердит: правильно (по Марксу!) Иосиф Виссарионович понимал, что есть социализм, что есть капитализм. Вот только, где именно капитализм, а где именно социализм, он немного перепутал. Думается, сильно сердиться на него за это не стоит, тем более что каждый из нас без труда столь мелкое недоразумение способен устранить.

«Погоня за прибылью»... Нет, не вообще «погоня», какой дурак будет за убытками гоняться! Но «путем эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения»... Про кого это? Про НИХ или про НАС? «Жизненный уровень трудящихся понижается из-за роста цен, а также прямых и косвенных налогов, которыми... государство отбирает все большую часть заработной платы...» Вы, конечно, подумали, что это очередной отклик наших публицистов на доклад Рыжкова о «переходе к рынку» или обобщенная оценка законотворческой деятельности Верховного Совета СССР? Вот и не отгадали! Я процитировал статью «Капитализм» из МСЭ. Как видите, именно МЫ как раз и соответствуем сказанному в энциклопедии. На все двести.

Теперь о «нещадной эксплуатации». Самой объективной мерой ее в марксизме считается отношение созданной работником новой стоимости к той ее части, что идет ему в зарплату. У НИХ в оплату труда идет 70—80 % «чистого продукта», у НАС (по данным 1985 г.) — 36,6 %. Если ИХ эксплуатацию считать «нещадной», то как называть НАШУ? Живодерской?

Но, может быть, ключ к проблеме в том, относится ли обнищание и разорение к «большинству населения» или к меньшинству? В США «малообеспеченных» жителей — 20 %. У нас «бедных» — 86,5 %. А что значит «малообеспеченный» по ИХ понятиям, можно представить хотя бы из удивленного возгласа депутата от комсомола Андрея Плутникова, побывавшего недавно в Брюсселе: «Там при среднем уровне зарплаток 60 тысяч бельгийских франков безработный получает 28 тысяч. А работники советского постпредства (люди высоко обеспеченные по нашим меркам! — А. Н.) — 18 тысяч» («Комсомольская правда», 1.06.90). Можно представить, каков при этом жизненный уровень тех, кого МЫ относим у себя к категориям «малообеспеченных» (по некоторым данным, их у нас 100 миллионов) и «бедных», т. е. нищих (которых что-то около 65 миллионов)! Однако в основе этих подсчетов лежит очень сомнительная «базовая» цифра — 78 рублей в месяц как прожиточный минимум. Года два назад женщина-экономист призналась мне, что ее коллеги подсчитали: прожиточный минимум у нас никак не меньше 105 рублей! Увы, председатель Госкомстата отверг эти расчеты на том основа-

нии, что за такую цифру с него голову снимут, ибо «ЦК готов только к 75 рублям»!

Так что беспристрастные цифры, как видите, вполне подтверждают правоту тезиса Маркса об абсолютном обнищании трудящихся при капитализме.

Но уж хотя бы такая черта капитализма, как «систематическое ограбление народов других стран, особенно отсталых», у НАС не обнаруживается? Как бы не так! Предоставим слово писателю Тимуру Пулатову: «Число тех, кто проживает здесь (в среднеазиатских республиках. — А. Н.) за чертой бедности, за последние годы возросло еще больше и составляет в Таджикистане около 60 процентов, в Узбекистане — более 46, в Киргизии, Туркмении — по 40 процентов и почти столько же в хлопкосеющей республике другого региона — Азербайджане...

Средний доход во всех этих республиках на каждого работающего здесь и близко не поднимается к прожиточному минимуму, колеблясь от 40 до 60 рублей... Причина бедности здесь — в массовой безработице, нищенской зарплате основной массы населения, которая трудится на хлопке. И в нищенской пенсии престарелых... Среди страдающих тяжелыми недугами от плохих условий жизни, умирающих от недоедания, как в засухливом африканском Сахели, 60 процентов наших детей...» («Московские новости», 13.05.90, с. 7). «Но какой же народ «грабит» наши «отсталые страны»? — спросите вы. — Это что, намек на Россию?» Помилуйте! Согласно марксизму, отсталые народы эксплуатируются эксплуататорами господствующей нации в сговоре с эксплуататорами отсталых народов. Это во-первых. А во-вторых, все народы России (включая русских) за годы торжества марксизма на ее необъятных просторах тоже давно уже стали вполне отсталыми, так что в этом вопросе у нас полная межнациональная гармония.

Относительно самого последнего пункта основного экономического закона капитализма — «милитаризации народного хозяйства» — даже распространяться не хочется. Тут давно уже все всем (кроме генералов, конечно) ясно. У кого самая гигантская в мире армия? Самый непосильный военный бюджет? Самые милитаризованные наука и промышленность? В какой стране больше всего генералов с маршалами и на единицу населения, и в абсолютном исчислении, и в высших законодательных органах?.. А ведь милитаризация по всем канонам марксизма — верная примета империализма, который есть высшая стадия. Не социализма, разумеется.

Ну, а теперь давайте вернемся по тексту немного назад и вчитаемся в сталинскую формулировку основного экономического закона социализма. Вчитались? Нужны комментарии и выводы? Думаю, что нет. Если в мире сегодня найдется хоть один человек, который искренне убежден, что этот закон имеет непосредственное отношение к нашей стране или какой бы то ни было другой стране «социалистического лагеря», я готов истратить свой очередной отпуск на то, чтобы возить его по это-

му лагерю и показывать в трудовых коллективах. Разумеется, за счет ученого совета института марксизма-ленинизма.

Так что, по Сталину, мы живем при самом чистопородном, самом махровом капитализме! Правда, за последнее время мы сильно осмелели и наверняка среди читателей найдутся люди, которые заявят, что Сталин для них отнюдь не высшая теоретическая инстанция, хотя как практик социалистического строительства он пока никем не превзойден: ни Гитлером, ни Мао Дзэдуном, ни Пол Потом... Что ж, давайте приглядимся, где и по каким приметам находили границу между капитализмом и социализмом другие теоретики.

Ленин как одну из самых глубинных примет социализма называл степень социализации, обобществления средств производства и призывал не путать их с национализацией, конфискацией. Конфисковать можно все за день, а социализация требует длительных и нелегких поисков социальных механизмов, способных сделать трудящихся реальными хозяевами общественной собственности. Критерий очень важный, не поверхностный, что и говорить. Начнем комментарий с сообщения, которое может оказаться новостью для тех, кто читает лишь три газеты: «Правду», «Советскую Россию» и «Красную звезду», — а посему свято верит, что у НАС пускай поменьше зарплаты, зато мы несравненно больше получаем через общественные фонды. Доверчивых людей всегда тяжело огорчать, но что поделаешь, жизнь беспощадна. Вынужден сообщить, что рядовой житель США из общественных фондов получает благ в четыре раза больше, чем житель СССР. Такая вот получается у НИХ социализация. А у нас — при всеобщей национализации? Владеет ли вообще наш народ реально хоть какой-нибудь собственностью? Никакой. «Землю — крестьянам!..» «Фабрики — рабочим!..» «Власть — кухаркам!..» Из этих революционных лозунгов реализован частично лишь третий. Если говорить об уровне государственного мышления, то действительно у нас к власти явно пришли в свое время кухарки. И тотчас же направили на осиротевшие кухни других, ибо все вновь пришедшие к власти очень любят вкусно покушать. Короче говоря, на всех кухарок стульев в парламенте у нас явно не хватило. И на всех рабочих — министерских кресел, и на крестьян — табуреток в кабинетах разного вида агропромов. Крестьян у нас до революции было так много, что даже на нарах ГУЛАГовских лагерей им места не хватило, пришлось некоторую часть оставить в колхозах, правда, приблизив максимально там режим к лагерному. Так что об «овладении» народом заводами и угольями вправду у нас говорить только Жванецкий с Задорновым. Остальным приличнее помолчать. Мы уже более 70 лет даже своим диванам и ложкам не хозяева. Хотя про это священное право взволнованным голосом всегда говорили все наши конституции.

Три с половиной года после того, как пожилые супруги Драченко (поселок Беличи, что под Киевом) оплакали привезенного из Афганистана в цинковом гробу сына, местные власти предложили им «добро-

вольно» выселиться из собственного дома. «Шесть раз вызывали в суд, двенадцать приходили выселять: побили окна, отключили воду, газ, электричество... А когда супруги и после этого остались в доме, к ним прислали из милиции «пятнадцатисуточников»... И тут уже хулиганы с разрешения властей под наблюдением сотрудника милиции ломали и топтали, отобрали и вывезли часть вещей, разорили то, что создавалось всю жизнь» («Огонек», 1989, № 39, с. 32). Думаете, хоть кто-то понес за этот нагло попирающий конституцию государственный бандитизм наказание? Правильно думаете — никто не понес. В том же Киеве за последние две пятилетки под нож бульдозера попали 10 тысяч частных жилых домов. С копеечной (по сравнению с их реальной стоимостью) компенсацией.

Столь же защищена законом у нас и любая другая собственность — групповая, кооперативная, муниципальная, арендная, акционерная... «Тогда, — подловите вы меня, — у нас вовсе не капитализм! Ведь он-то держится на частной собственности, а ее у нас, получается, и нет!..» Не получается. Я ведь вел речь о собственности народа. У него — никакой нет (всеобщая пролетаризация всей наемной рабочей силы!). «Общественная собственность», давно установлено, только эвфемизм. На самом деле все у нас принадлежит государству. А государство, по Марксу, есть частная собственность бюрократии (т. 1, с. 271). (И когда их оппоненты начинали отождествлять государство и общество, основоположники смеялись нехорошим смехом.) Вот и прикиньте, много ли у нас «частной собственности», если все в стране принадлежит государству, которое — собственность бюрократии? Впрочем, в этом вопросе марксисты от Маркса, без сомнения, гневно отмежуются. Чтобы не вступать с ними в бесплодные споры, предложу им оспорить наличие частной собственности у нашей мафии и в теневой экономике. По слухам, кошелек теневиков вмещает на сегодняшний день 300—350 миллиардов полновесных рублей (после того как по просьбе трудящихся цены на золото и прочие бриллианты были повышены в полтора раза, они стали еще полновеснее!). Вопрос марксистам: какой вид собственности представляют эти рубли? Государственная это собственность или колхозно-кооперативная? Ответы прошу посылать Гдяну с Ивановым. Можно и прокурору Сухареву. Но если меня об этом спросить, я скажу: более частной собственности, чем эта, и вообразить невозможно. С нее даже налогов не платят, что является ведь тоже формой социализации частной собственности. А ведь у НИХ процесс обобществления на налогах не остановился. Как писал Маркс: «Капиталистическое производство, ведущееся **акционерными обществами**, это уже больше не **частное** производство, а производство в интересах многих объединившихся лиц. Если мы от акционерных обществ переходим к трестам, которые подчиняют себе и монополизировать целые отрасли промышленности, то тут прекращается не только **частное производство**, но и **отсутствие плановости**» (Соч., т. 22, с. 234).

Видите, уже тогда у НИХ была плановость, а у нас? О чем скорбят чуть не в каждом выступлении наши экономисты? О том, что в нашей экономике по крайней мере с начала первой пятилетки царят произвол, стихийность, рассогласованность спроса и предложения, анархия, структурная, инвестиционная и прочие неразберихи. Спрашивается, где же социализм, где — капитализм?

Если исходить из определений этих формаций Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным, то получается то, о чем мы уже сказали вслух: у НИХ — социализм, у НАС — капитализм. Однозначно. Ну, а тот, кто в гордыне своей позволяет себе не согласиться сразу с четырьмя основоположниками, пусть ответит на такие вот вопросы.

Если вы считаете, что в развитых странах Запада и Востока (о неразвитых требуется особый разговор, недаром наша наука утверждает, что они избрали «некапиталистический путь развития», хотя и не социалистический тоже) эксплуатация более беспощадная, чем у нас, больше угнетения, кризисов, антагонизмов и т. д., то почему у них о социальной революции говорят только ради смеха, а у нас эта революция идет полным ходом, грозя свергнуть народы в широкомасштабную гражданскую войну? От капитализма к социализму (по Марксу — Сталину) без революции не перейти. Но если сделать допущение, что у нас социализм, то какая у нас идет революция? Коммунистическая?

Второй вопрос. Если у НАС социализм, то чего ради самые преданные идеи социализма люди — наши идеологи и сами неужеримо врются хоть немного пожить у НИХ, и детей своих норовят туда на подольше пристроить? И вообще, если исходить из доказанной классиками истины, что при социализме жизнь должна быть лучше, то почему люди не от НИХ к НАМ бегут, а от НАС к НИМ? Ради нищеты и безработицы — «вечных спутников капитализма» — что ли?

И еще один конфиденциальный вопрос (который рекомендую сохранить в секрете от Албании и Северной Кореи). Почему сразу же после поездки страстного борца за социализм Е.К. Лигачева в ГДР там произошел социальный переворот, а после его поездки в Швецию там все осталось как было? Если не согласиться с тем, что у НИХ там именно социализм, а у НАС здесь именно капитализм, то ни на один из этих вопросов невозможно членораздельно ответить. Не докатываться же нам до такой дикой мысли, будто Лигачев ездил в западную страну учиться капитализму!

И перестройка наша без подобного признания какой-то кафкианской фантасмагорией предстает. Возьмите хотя бы нашу трагикомедию, именуемую официально «переход к рыночным отношениям».

За пять лет революционного топтания на месте в сфере экономики мы подвели страну, воплотившую в жизнь лучшие мечты человечества, к краю пропасти.

«Поймите, что в СССР начинается экономический развал. Попытка продвигаться к цели постепенно, малыми шажками заманчива, но безрезультатна... Если экономическая реформа не перестанет топтаться на месте, то за ближайшие два года ваш национальный доход упадет процентов на двадцать. Надо ли объяснять, чем это обернется для уровня жизни, который и сейчас не поражает воображение?» — растолковывает нам нашу ситуацию Андерс Ослунд, директор Стокгольмского института экономики Советского Союза и стран Восточной Европы («Правда», 5.04.90).

«Котел начинает перегреваться... Он достиг такой стадии, когда взорваться может в любой момент», — предупреждает и советский экономист Павел Бунич («Огонек», 199, № 18, с. 1).

Признав во всеуслышание, что выход из данной трагической ситуации только один — решительный переход к экономическим методам управления народным хозяйством, к рынку, к демонтажу командно-административной системы, правительство наше начало героическую борьбу за рынок. В декабре оно предложило программу «оздоровления экономики» на основе «разумного радикализма» (выражение Н. И. Рыжкова), о которой группа депутатов от комсомола заявила, однако, что она ничего, к сожалению, оздоровить не сможет, ибо предлагает меры, направленные «на лечение симптомов, а не самой болезни». «С одной стороны, представлено общее описание будущей рыночной экономики, но не предлагается конкретных механизмов перехода к ней. С другой — предложен набор разноплановых административно-экономических мер, не только не приближающих нас к рынку, а напротив, укрепляющих командную систему», а «стимулов для эффективной работы как не было, так и нет» («Комсомольская правда», 12.12.89).

Е. Гайдар, вышедший уже из комсомольского возраста, выражался мягче: «Вся программа была пронизана верой в чудо» («Правда», 16.04.90).

Но правительство не сомневалось, что его программа «способна сплотить все силы общества на решении экономических задач обновления социализма». «Твердо скажу, — отверг все нападки на программу «оздоровления» глава правительства, — все это не поколебало нашей уверенности в правильности избранной линии» («Правда», 29.12.89). «Все силы общества» сплачивались вокруг программы по оздоровлению командно-административной системы что-то около трех месяцев, потом перестали сплачиваться. «Мечта» о небывалом (на 66 миллиардов рублей) росте производства товаров народного потребления, который снимет напряжение и оздоровит финансы (при почти полном отсутствии стимулов к труду), не осуществилась. Низкие, но жесткие потолки в зарплате, новые грабительские налоги, напрочь отбивающие охоту работать много и продуктивно, новая волна погромов в сфере кооперации, пол-

ный зажим деятельности фермеров и прочие меры по укреплению государственного всевластия в экономике охладили «силы общества», не успев «обновить социализма».

Когда правительство в мае отключилось от курса на «оздоровление» и, как знамя, подняло «концепцию перехода к регулируемой рыночной экономике», злопыхатели восприняли это как крах программы и невыполнение обязательств, торжественно взятых перед лицом Верховного Совета. Ответственно заявляю: клевета! Правительство наше делает то, что обещало. Обещало «непопулярные решения» — и предложило их. Тотальное повышение цен при повышении окладов чиновникам, замороженных зарплатах трудящихся и драконовских налогах — кто посмеет назвать такое решение «популярным»? И в целом правительство, верное слову, твердо придерживалось в новой концепции перехода к рынку своей старой, неуклонно проводимой в жизнь антирыночной стратегии. Если помните, Н. Рыжков главной **экономической** задачей, ради которой обещал «сплотить все силы общества», считал «обновление социализма», а не рынок как таковой. А если учесть, что речь всегда шла и ныне идет об «управляемом рынке», то можно утверждать, что рынка никто и не обещал. В «регулируемом» рынке ровно столько рынка, сколько права и порядка в «революционном правопорядке», сколько гуманизма в «социалистическом гуманизме» и реализма в «социалистическом реализме». Впрочем, и управления в «управляемом рынке» не больше. Рынок — это саморегулирование экономики. Управляемое самоуправление?.. Чудны дела твои, Господи!

Нет, чтобы окончательно похоронить идею рынка, правительство выбрало совершенно правильную тактику. Слить в сознании народа эту идею и факт резкого повышения цен. При этом можно обещать все, что угодно — и закон о свободном предпринимательстве, и частные парикмахерские... Все — вплоть до денационализации металлургических гигантов! Риска тут никакого — ни до чего этого дело не дойдет. «Котел» взорвется задолго до того, как подойдут сроки выполнения смутных пророческих обещаний. Народ провозгласит свою «альтернативную программу» — на уличных баррикадах в свете подожженных отделений милиции и обкомов партии. И эту «программу», увы, вряд ли удастся положить под сукно или объявить «брехней». Но линия правительства победит и в этом случае — на транспарантах остервеневших трудящихся будут антирыночные лозунги, а кооператоров и межрегионалов будут отлавливать по чердакам по первой категории.

Шаржирую? Клевету на честных, добросовестных людей, которые, может быть, и не все правильно понимают в проблеме перехода на рыночные отношения, но хотят-то добра! «Не все понимают?»..

Не знаю, как у вас, у меня сердце щемит от жалости, когда я читаю или слушаю энтузиастов рыночной экономики, всех этих селюниных,

поповых, шмелевых, лисичкиных, пияшевых, не говоря уж о зарубежных доброжелателях-экономистах: леонтьевых, бирманах... Из хомутов вылезают от старательности, как рыба об лед, бьются, чтобы подоходчивее, популярнее тем, кто стоит у кормил голодающей великой державы, объяснить истины, которые наверняка с первого же раза поняли бы не только депутаты от ВЛКСМ, но, наверное, даже депутаты от Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Настолько тут тому, кто действительно хочет понять, все понятно, что уже и перечислять меры, реально ведущие к рынку, товарному изобилию, финансовому здоровью и прочим нормальным вещам, скучно. Руководство страны вроде бы старается понять, но никак у него это не получается. Прямо руководить страной отказывается руководство, если экстремисты не позволяют им сначала цены в 2—3 раза не поднять. «Все цены в стране искажены и не дают работать!» — жалуется Н. Рыжков. Правильные пропорции то есть между ценами искалечены. Но если цены декретно поднять на все вдвое, то пропорции-то останутся теми же самыми, а искалеченность возрастет ровно на столько же! Значит, не в «искажениях» дело? Прямо партия и правительство этого не говорят, но намекают: раз уж они довели страну до бедствия, финансы — до развала, дефицит бюджета — до рекордной высоты, надо всем принести жертвы, подтянуть пояса...

Странная ситуация! Государство «честно» признается в своем банкротстве, но описать предлагает не свое имущество, а наши с вами жалкие пожитки. И ведь слышны уже примиренные голоса: что делать!.. Государство в беде... Надо помочь... Надо потерпеть...

О мой бедный, добросердечный и простодушный, готовый броситься на помощь всякому, кроме собственных детей, народ! Старушки наши, пережившие блокаду и терпеливо ждущие смерти в своих темных подвалах и прокопченных коммуналках, у нас после очередного душещипательного репортажа из-за границы очередного чьего-то «сынка» семенят на почту, чтобы послать часть своей 60-рублевой пенсии безработному Бельгии, получающему в качестве пособия 28 тысяч бельгийских франков. Шахтеры наши по два дня работают бесплатно, чтобы помочь бастующим коллегам в Англии, хотя те и в разгар многомесячной забастовки своей живут и питаются так, что нашим шахтерам и не снилось... Вот сейчас золотые сердца наших трудящихся снова полны сострадания к министру финансов Павлову. И двери домов своих, похоже, уже не запирают — чтоб меньше теряли времени те, что придут описывать их каструли и детские коляски. А ведь банкротство-то объявлено нашим государством фиктивное, жульническое.

«Говорить, что у нас нет средств, чтобы перейти к ценообразованию и стабилизировать рубль,— это чужь. У нас самая обеспеченная валюта в мире. Не обеспечен доллар, там все продано. Проданы дома, заводы,

земля. А у нас ничего не продано» — такую вот странную мысль высказал недавно депутат Травкин («Огонек», 1990, № 24, с. 3). А ведь ничего странного в ней нет. Нищи мы, а не государство, которое прикидывается нищим, чтобы не только не отдавать нам нашего, но и еще обложить нас новыми поборами.

Я понимаю, Травкину вы не поверите, он радикал, межрегионал, левак... Хотите, я приведу свидетельство его правоты, которому вы поверите больше, чем поверили бы Политбюро и КГБ, не говоря уже о Госкомстате, которому поверить может только тот, кто побывал в автомобильной аварии? «Оценки советского валового национального продукта в долларах, сделанные Центральным разведывательным управлением США, показывают, что рубль стоит... (внимание, не упадите со стула! — А. Н.) 3 американских доллара», — пишет М. Вулф в «Файнэншл таймс» («За рубежом», № 23, 1990, с. 7).

А официальный курс — 1,6 доллара за рубль, а «туристский» — 6 рублей за доллар, а реальная цена доллара (по признанию самого Павлова) — 10 рублей, а на черном рынке и в зарубежном обиходе за доллар дают уже 20—27 рублей... Это кто же из нашего материального оборота изъяс, исключил, припрятал для себя столько «национального продукта», что нам с вами платят в 30—60 раз меньше, чем мы зарабатываем? Наше государство — богатейшее, но богатства эти отняты у народа и охраняются от него построже, чем хранилища госбанка от налетчиков. Этими богатствами почти без всякой отдачи для народа распоряжаются министерства, воротилы военно-промышленного комплекса, всякие Минводхозы, Агропромы и т. д. и т. п. И все им мало, и мы снова должны подтягивать пояса, чтобы набивать их бесплодные, но ненасытные утробы!

Некоторые заявления Н. И. Рыжкова надо трактовать в том смысле, что правительство не сможет руководить страной, если предложения по взвинчиванию цен (которое уже началось без всяких санкций законодательных органов) не будут приняты. Ну, а кто, Николай Иванович, настаивает на том, чтобы вы руководили? Это же естественно и нормально: если правительство осознало, что оно руководить не может, оно подает в отставку. Пусть попробуют другие, вдруг они смогут? У НИХ в такой ситуации только так и могло быть, но наше правительство в отставку уходить явно не собирается. Еще одна загадка того социализма, до которого довел нас Маркс своим учением!

Маркс? Но, по его-то определениям, социализма у нас и в помине нет, по его-то оценкам, у нас, как мы выше установили, самый настоящий капитализм! Стоит этот, на мой взгляд, совершенно очевидный вывод сделать, как все становится на свои места. Абсолютно четко. И все загадки и тайны сегодняшней нашей жизни получают сразу свои отгад-

ки, и мир снова начинает развиваться «по Марксу», и «кто виноват?» — станет ясно, и «что делать?» — во многом определится.

Если исходить из внушенного нам убеждения, будто у нас социализм, вся послеоктябрьская история предстает как сплошная цепь диких, нелепых ошибок, заблуждений, бессмысленных злодейств и непрерывного мазохистского самоистязания. Не то народ, придя к власти, впал в безумие и начал сам себя истреблять, сам себя грабить, сам себя загонять в лагеря и тюрьмы; не то все общественные институты похоскодили с ума и начали в высшие органы власти сознательно отбирать самых глупых, самых бездарных и аморальных типов... Но наша экономическая и политическая системы кажутся бессмысленными и глупыми именно потому, что мы им изначально приписали цели, которых они не преследовали и не преследуют. Наши органы власти, официальные общественные структуры (то, что имитировало у нас партию, профсоюзы и прочие «самодеятельные» организации), государственный аппарат, если брать их в целом (отдельными чудаками, не делавшими погоды и не способными изменить сущность режима, его цели и методы, мы при данном глобальном подходе можем пренебречь), никогда не были озабочены ни счастьем народа, ни процветанием общества, ни прочей «благотворительностью». Они ревностно служили все десятилетия интересам нашего господствующего, эксплуататорского класса¹. И с позиций корыстных интересов этого гигантского многоликого талантливого на мимирию спрута, с позиций укрепления его всевластия, его идеологии и морали все эти системы и институты работали очень даже умно и эффективно!

Чего же мы ждем и чему удивляемся, столкнувшись с тем, что правительство саботирует, как только может, переход к рынку? Рынок — это смерть режима, конец всевластия номенклатуры, ступенька к ИХ социализму, при котором государственный аппарат тоже не из ангелов формируется, но в целом в итоге успешной борьбы трудящихся за свои права становится инструментом консенсуса между основными классами и социальными силами общества. У нас же пока — капитализм, в его начальной, хищнической стадии (анализу которой и посвящены труды Маркса), а буржуазное государство, «какова бы ни была его форма, есть по самой своей сущности капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист» («Анти-Дюринг», 1957, с. 263).

Активист польской «Солидарности» Ежи Милевский говорил: «Пра-
вительство не должно действовать в качестве владельца народных

¹ Не буду давать характеристику этому классу, его составу, методам обогащения и стилю жизни, свою позицию по этим вопросам я в какой-то мере уже выразил в прошлых публикациях (см., например, «Новый мир», 1988, № 1—2).

средств производства. У нас в Польше так было сорок лет, и мы убедились, что государство является самым ужасным капиталистом из всех известных нам в современном мире» (В. Белоцерковский. Самоуправление. Мюнхен, 1985, с. 84).

И не надо нам тешить себя детскими иллюзиями, будто, неумело помитинговав пять лет и выбрав по законам, сочиненным аппаратчиками и под их достаточно бесцеремонным контролем несколько «представительных органов» власти (местных, республиканских, союзных), мы уже изменили природу классового эксплуататорского строя.

У моего оппонента, спокойно-иронично именующего себя «захребетником», есть все основания издеваться над нашими восторгами по поводу достигнутого перестройкой и над нашими надеждами на всенародное единение: «Не рассчитывайте, будто мы сами поможем вам рыть нашу могилу и ляжем в нее по первому требованию. Никак нет. Да и по второму не ляжем. И по третьему тоже. Как класс мы будем бороться за сохранение своего «места в определенном укладе общественного хозяйства» (Ленин, ПСС, т. 39, с. 15) и за самый этот уклад, не щадя крови и самой жизни своих классовых врагов».

Будут! И до гражданской войны страну без колебаний доведут, если увидят хоть малый шанс, залив страну кровью, сохранить свою власть и привилегии. И всероссийская конференция коммунистов, самозванно объявившая себя учредительным съездом, у меня лично только укрепила это убеждение. А мы-то все пробуем переубедить своих эксплуататоров неотразимыми аргументами, конструктивными (Для кого? Для них? То, что конструктивно для народа, для них — неприемлемый бред, что конструктивно для них — непременно новое ограбление для народа!) предложениями, оттачиваем слог, штудлируем учебники по культуре дискуссий... «Нужно общенациональное примирение, — призывает всех (антисемитов и русофобов, фашистов и либералов) к единению наш гость «оттуда» Владимир Максимов. — Простить друг другу все обиды, покаяться и объединиться перед лицом всеобщего распада и гибели» («Известия», 1990, № 124). Можно представить, как хохочут по поводу этих наших мечтаний и заклинаний хозяева нашей жизни в своих охотничьих домиках и саунах с дамским персоналом! Нет, рано мы заносим в архив марксову теорию классовой борьбы, аргументируя это ее неприменимостью к современному опыту западных стран. Для НИХ, конечно, эти теории — далекая история, а для НАС — в самый раз.

Но уж народных-то наших депутатов никак мы не можем счесть наймитами эксплуататоров? Тому, что по-настоящему «народно», нет нужды писать про это на фасаде. В наших же условиях подобный дизайн особенно подозрителен. Слишком много у нашего народа всего «народного» — и суды у нас народные, и милиция, и контроль, и дружины... Но случайно ли, объявляя оратора, в наших парламентах называют только

никому ничего не говорящий номер округа? Начни спикеры называть должности «народных депутатов», сразу же, наверное, ореол «народности» наших парламентов быстро пошел бы на убыль. Конечно, во всех буржуазных парламентах всегда были трибуны, сражающиеся за интересы простых людей. И у нас они появились, и очень даже высокого класса, но... Слишком уж часто мы сталкиваемся и в работе наших революционных конвентов с «загадками», которые никак не отгадать без помощи Маркса. Например, с такой вот.

«Только что принятые прогрессивные законы не предусматривают санкций за их несоблюдение и тут же извращаются различными инструкциями или вовсе нарушаются самим государством...» — жалуется профессор Ю. Орлов корреспонденту «АиФ» (1990, № 24, с. 5).

Стало уже тривиальным разносить наше правительство за «атрофию воли», вялость действий, неспособность заставить законы «работать», а решения «претворять в жизнь». Все вроде соответствует истине, но с частными отклонениями. Все грабительские, антиперестроечные, антидемократические, антинародные законы и решения вступают почему-то в силу молниеносно и работают на всю катушку (вспомните хотя бы законы об индивидуальной трудовой деятельности, указы о запрете митингов, поправки к закону о кооперации, все решения о повышении цен, росте налогов, ограничении зарплаток и доходов...). И воли оказывается вполне достаточно, и вялость как рукой снимает, и кадры для «претворения в жизнь» находятся... А вот для остальных решений и законов действительно ничего этого нет, да и сама формула «атрофия воли» навевает безнадежность и настраивает на терпение. Правда ведь, хороша «загадка»? Есть и другие, не хуже. Почему, например, наш Верховный Совет, так тонко улавливая (в лице своих лучших представителей, конечно) малейшую антинародную нотку в предлагаемых правительством (или собственным Президиумом) законах и решениях и бесстрашно обличая такого рода проявления в своих речах, как только дело доходит до принятия решения, подавляющим большинством раз за разом голосует так, как велено?

Или вдруг включают наши народные депутаты в поражающий своей революционностью закон такую «мелкую» оговорку, что от революционности его не останется на практике и следа. В полном соответствии, увы, с тем, что Маркс писал о классовой сути буржуазного законотворчества: «Каждый параграф конституции содержит в самом себе свою собственную противоположность, свою собственную верхнюю и нижнюю палату: свободу — в общей фразе, упразднение свободы — в оговорке» (Соч., т. 8, с. 132).

Посмотрите, как сурово осудили члены Верховного Совета СССР доклад Рыжкова за то, что в нем предлагается народу «шок без терапии». (Кто-то даже, ходят слухи, шепотом, в курилке произнес слово

«отставка»!). Разумеется, осудили во имя защиты вдов и сирот, вообще всех, кто живет «за чертой бедности». Зарубежный бедняк, побывав на наших форумах и почитав наши газеты, наверняка проникся бы жгучей завистью к нашим неимущим. Ни о ком у нас так горячо не заботятся, так много не говорят, так скорбно не вздыхают, как о живущих «за чертой». Вся страна день и ночь думает, как их защитить, чем еще им помочь. Я и сам иной раз, наслушавшись речей, проникаюсь убеждением, что советские бедняки самые богатые в мире. И непонятно, чем они еще могут быть недовольны, чего смотрят так хмуро и обреченно? Заелись не иначе на свои 5—6 долларов в месяц! Какой-нибудь американский бедняк ведь ничуть не больше тратит в месяц на свою рыбку скалярию, и ничего ведь — скалярия эта ведет себя вполне жизнерадостно.

Я к чему о бедняках вспомнил? Очень они полезны. Если бы не затухающая скорбь нашего человеколюбивого общества о положении вдов и сирот, то аргументы по поводу необходимости ограбления трудящихся более высокого достатка лишились бы пронзительного человеколюбивого пафоса. В итоге, когда вдовы и сироты начнут вымирать от голода, им будет приятно сознавать, что социальная справедливость в СССР торжествует — все живут не намного лучше их. Ну, а кто живет все роскошнее и роскошнее, так у того ведь доходы нечестные, с него какой спрос! Таким образом, вдовы и сироты — наиважнейший козырь против рынка и свободного предпринимательства. И, похоже, ничего ни тому, ни другому у нас не светит, пока вдовы и сироты не вымрут окончательно, после чего станет не так стыдно остальным есть досыта. Только... как бы всем нам вместе со вдовами не вымереть! Во всяком случае, наш Верховный Совет, сурово осудивший на словах правительство за недостаточно энергичный переход к рыночным отношениям, на деле еще до доклада Рыжкова не раз уже похоронил этот самый рынок. Возьмем хотя бы только Закон о подоходном налоге с граждан. Без такого закона, предусматривающего единую шкалу прогрессивного обложения, заверила нас тысяча аппаратчиков, правоведов и депутатов, переход к рынку был бы невозможен. А с ТАКИМ законом возможен? Вспомним его детали. Закон освободил колхозников от обложения. Зачем? Чтобы наказать рвущихся на фермы или ввести еще одну форму дотирования крепостничества в сельском хозяйстве, доведшего страну до голода? Обложению подвергли и фонд развития индивидуальных хозяйств. Зачем? Чтобы не в силах были конкурировать они, вооруженные только лопатами и тяпками, с государственными предприятиями? Членов производственных кооперативов закон уравнивал по обложению с работающими и служащими (которым, согласитесь, не приходится все же на зарплату покупать технику и рабочие помещения). В потребительских и смешанных кооперативах драконовская шкала вступает в силу, начиная с дохода в 250 рублей. Предприниматели-индивидуалы отождествлены законом

с кустарями, им сейчас зарабатывать больше 417 рублей в месяц просто невыгодно, да и фонд развития у них тоже облагается. Всем прочим трудящимся невыгодно зарабатывать 1500 рублей в месяц, далее отбирается 50 и 60% заработанного.

Для сравнения автор «Московских новостей» А. Коршунов напоминает, что в США предельная ставка налога 33%, и взимается она с дохода выше 6 тысяч долларов (это, по признанию самого министра финансов СССР, по покупательной способности эквивалентно 60 тысячам рублей) в месяц! («Московские новости», 27.05.90).

У нас сейчас над страной гул стоит — все (в том числе и народные депутаты) горячо прославляют свободу предпринимательства, инициативу, агитируют друг друга становиться фермерами, выкупать парикмахерские, магазины, объединяться в кооперативы и т. д. и т. п. Это очень похвально. Живущим за чертой бедности ведь недостаточно жалостливых речей, им нужны субсидии, товары, продукты, доступный сервис...

417 рублей — это (по меркам Павлова, а на самом деле — вдвое меньше!) 40 долларов. 1500 рублей — 150 долларов. В США — при таких «сверхдоходах» — пособие по бедности выдают! Мы же обираем как реставраторов капитализма. Да еще призываем этих голодранцев закупать сырье, станки, арендовать помещения, осваивать прогрессивные технологии и заваливать страну дешевыми высококачественными товарами!

Плюс к тому: инфляция у нас уже сейчас достигла не то 15, не то 20%, порываясь в ближайшем будущем вообще с цепи сорваться. Спрашивается, сколько будут стоить 1500 рублей через 3—4 года?

Кому же служили наши народные избранники, принимая вместо антитрестовских антирыночные законы? Тем, кто живет ниже черты бедности? Кооператорам? Фермерам? Рабочим?.. Чего тут голову ломать, в капиталистическом государстве парламентарии, чего бы себе ни воображали и какими бы иллюзиями себя ни тешили его члены, служили и служат господствующему, эксплуататорскому классу. Так получается и по Марксу, и по жизни.

И за повышение цен в конечном счете наши парламентарии, придав лицу государственную озабоченность, проголосуют. Да и без их голосования цены будут расти, как уже сейчас, до голосования растут. На стройматериалы цены повышаются вдвое, на бумагу и типографские услуги — то же самое, на зерно уже повысили, собираются повысить резко на сырье, на топливо, энергию... Под шум разговоров о том, что растут только оптовые и закупочные цены, а не розничные. Однако очень скоро кто-то из народных защитников встанет (как недавно представитель комиссии по транспорту) и доложит суровым голосом: «Увы, цены на билеты городского транспорта надо не менее чем в 3,5 раза повысить, чтобы этот транспорт стал рентабельным!» А о чем думал этот «представитель», когда раньше повышались цены (не розничные, нет!)

на сырье, стройматериалы, энергию?.. Он не догадывался, что ему очень скоро придется встать со своим «увы»?

Мы живем по Марксу, давайте признаем наконец эту горькую истину. Это снимет с наших глаз идеологические бельма, сразу же многое из того, что воспринималось нами как нелепость, случайность, бред, обретет логику и смысл, встанет на свое место.

И мы увидим, что абсолютное обнищание, предсказанное Марксом, не миф. И что у нас вовсе не идеология формирует экономику, как, не подумав, начали повторять многие нынешние политологи, а так, как определял Маркс. Наша экономическая система создает максимум удобств для эксплуататорского класса в деле ограбления народа, и эклектическая, нелепая идеология наша, ничего общего не имеющая с идеологией марксистской, вообще-то говоря, создавалась именно для нужд такой экономики. И ничем другим ее сути, ее хорошо продуманных противоречий и эффективно работающих нелепостей не объяснить.

И увидим мы, что суды у нас классовые, что партия наша, милиция, армия и КГБ твердо стояли и стоят на страже интересов господствующего класса, что и школа воспитывает в соответствии с его интересами, и искусство на это же все время мощно нацеливалось и нацеливается. Все тут, увы, сотворено в полном соответствии с теми формулами эксплуататорского общества, изучению которого и посвятил свою жизнь Карл Маркс. И пока мы этого не осознаем, мы не сумеем разобраться ни в том, как мы живем, ни в том, что с нами делают, кто делает и каковы перспективы на будущее.

Очень много насмешек пришлось выслушать Марксу в связи с его «преувеличением роли пролетариата» в борьбе за социализм. Ссылаются при этом на нежелание западных рабочих готовить революцию, а также на политическую пассивность и возрастающую деклассированность наших.

Действительно, ИХ рабочие меньше всего похожи на Макара Нагульнова, не умеющего работать, никчемного семьянина, живущего неустроенно и неряшливо потому, что ему это все не интересно — он «весь заострен на мировую революцию». ИХ рабочих уровень зарплаты и условия труда волнуют больше грядущего всеобщего счастья. Обыватели, отрекшиеся от героических традиций отцов и дедов? Героическая стадия истории не случайно связывалась Марксом с неизжитой дикостью. Социализм — это уже достигнутая цивилизованность.

Скажите на милость, зачем ИХ рабочим баррикады и перестрелки с полицией? Они построили уже себе вполне разумную для сегодняшних условий жизнь; при наличии многопартийности и влияния профсоюзов они имеют достаточно эффективные социальные механизмы и институты, чтобы отстаивать свои и экономические, и политические интересы демократическим путем, не прибегая к крайним, разру-

шительным, кровопролитным, дезорганизирующим жизнь способом разрешения классовых конфликтов.

Другое дело — наши рабочие. Они добрых 70 лет безропотно терпели бесправие и жестокую эксплуатацию. И вместо того, чтобы превратиться из класса «в себе» в класс «для себя», развивать классовое сознание и вести за собой все прогрессивные силы общества, они, вопреки учению Маркса, тихо (или шумно) спивались и телесериали по роману Анатолия Иванова зачастую предпочитали реальному участию в мировой революции. Вот как нынешние философы и социологи оценивают пригодность отечественного пролетариата, на которого учение Маркса возложило всемирно-историческую миссию: «...эти люди, лишенные корней, нравственной базы, устойчивых жизненных навыков, в согласии с буквой марксистского учения были объявлены солью земли, носителями высшей культуры» («АиФ», 1990, № 24, с. 7).

Что ж, тут не поспоришь, наш рабочий класс более полувека вроде бы напрочь опровергал все схемы марксизма и не выказывал ни малейшего намерения становиться гегемоном. Но стоит ли нам забывать, что в ходе первой мировой войны, революции, гражданской войны и сталинских репрессий кадровых рабочих в России практически всех истребили. Это во-первых. А во-вторых, эксперимент по ликвидации в одной четвертой земли института частной собственности отбросил страну на доисторический уровень первобытного коммунизма, когда собственности тоже не было. Конечно, наш народ некоторые навыки цивилизованности все же сумел сохранить и поэтому все формации, ведущие к культуре, преодолел в ускоренном темпе. За годы культа личности он пережил заново сжатую стадию рабовладельчества, за годы застоя — период средневековья, то есть всевластия областных, республиканских, районных и прочих партийных феодалов. Тогда же в недрах мафии и теневой экономики путем ускоренного разворовывания «народной» собственности под присмотром правоохранительных органов начался процесс первичного накопления капитала, трудящиеся люди начали от барщины через оброк переходить к системе свободной продажи рабочей силы... И ведь это было буквально вчера! А сегодня?

По-моему, ни политики, ни социологи до сих пор не осознали всей праздничности и всего драматизма прошлогодней всесоюзной стачки шахтеров. Событие это неожиданно для всех, кто привык уже поправлять Маркса, раз и, думается, навсегда уже прервало затянувшееся рабское послушание наших рабочих, радикально изменив всю политическую ситуацию в стране.

Под чередой неуверенно дозируемых сверху непоследовательных реформ забастовка эта подвела жирную черту. Страна, даже не осознав этого (кажется, до сих пор), вступила в грозную зону «революции снизу». И мы увидели, что рабочий класс у нас — это уже класс «для себя»,

что на политическую арену страны вышла сила, сопоставимая с силой самого государства со всеми его МО, МВД и КГБ, сила, проявившая себя с первых шагов на удивление организованной и явно осознавшей свои интересы и права. Отныне не считаются с настроениями народа, с его мнением, как это у нас всегда было, уже никто не сможет. В нашей революции победу одержит явно то политическое течение, за которым пойдет рабочий класс. И партийные аппаратчики, кажется, начали это осознавать, спохватились, развернули кампанию лести, подкупа и демагогии, что мы воочию видели на Учредительном съезде коммунистов РСФСР. Очень мечтательно этим политикам найти в наших рабочих нечто подобное румынским шахтерам, но боюсь, что они уже опоздали. Рабочие, в массовом порядке покидают «свою» партию, заявляя, что уже больше не верят ей и не хотят с ней иметь ничего общего.

Что ж, этим людям нечего терять, кроме цепей, поэтому они непобедимы.

Наше общество в деле ускоренного прохождения исторических эпох развило такие темпы, что наш капитализм, не выйдя по-настоящему еще из стадии первичного накопления капитала, ухитрился сразу же вбухаться в высшую его стадию, о которой верный ученик Маркса В. И. Ленин писал с презрением: «...капитализм созрел и пересозрел. Он пережил себя. Он стал реакционнейшей задержкой человеческого развития» (ПСС, т. 29, с. 478).

О НИХ это сказано? Главный редактор журнала «Общественная мысль» профессор В. Согрин категорически отменяет подобное допущение, позволяя себе даже иронию в адрес тех, кто пишет об ИХ «загнивании»: «Все больше советских обществоведов приходят к выводу, что этот «загнивающий» строй не только не исчерпал свои возможности, но на современном этапе переживает фазу подъема» («АиФ», 1989, № 37, с. 1). Ну, а если к НИМ это не относится, то к кому? Думается, нам с вами нетрудно об этом догадаться.

В учении Маркса меня больше всего радует вывод, поддержанный всеми его лучшими учениками: Энгельсом, Лениным, Сталиным, — вывод о неизбежности и неотвратимости гибели капитализма.

Радует потому, что все мы нахлебались его досья, до тошноты; потому что я презираю этот насквозь прогнивший, насквозь лицемерный строй, ведущий к нищете, невежеству, нравственному одичанию, бессмысленному разграблению и запакощиванию природы; строй, при котором кучка невежественных, бездарных политиканов и уголовников может бесконечно долго безнаказанно измываться над великой державой.

«Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над ума-

ми живых», — говорил Маркс (Соч., т. 8, с. 119). Слава Богу, этот кошмар начинает у нас понемножку рассеиваться. «Классовая борьба пролетариата, — правильно констатировал Иосиф Виссарионович Сталин, — это то оружие, при помощи которого он завоеует политическую власть и затем экспроприирует буржуазию для установления социализма» (т. 1, с. 353).

И да здравствует социализм!

Июль 1990 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ко всем бюрократам, коррупционерам, взяточникам, воротилам военно-промышленного комплекса, дельцам теневой экономики, мафиози и прочим захребетникам Советского Союза	3
ВНИМАНИЕ! «ВТОРЫЕ» ВЫХОДЯТ ИЗ ТЕНИ! . .	26
И ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОЦИАЛИЗМ!.. . . .	42

НУЙКИН Андрей Александрович
ОХ, СОЦИАЛИЗМ, СОЦИАЛИЗМ!..

Редактор А. С. Щ е р б а к о в

Технический редактор Т. Я. К о в ы н ч е н к о в а

Сдано в набор 03.10.90. Подписано к печати 12.11.90.
Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсет-
ная печать. Усл. печ. л. 2,80. Усл. кр.-отт. 2,98. Уч.-изд. л. 4,34.
Тираж 146000 экз. Зак. № 2877. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография име-
ни В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП,
Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

КОЛЛЕКТИВНОЕ СТРАХОВАНИЕ

● **Вниманию предприятий, организаций, кооперативов!**

● Госстрах России предлагает: коллективное страхование от несчастных случаев, страхование дополнительной пенсии, страхование жизни в пользу ваших работников. Страховые взносы по договорам уплачиваются за счет фондов предприятия.

● Правление Госстраха РСФСР приглашает к заинтересованному диалогу в разработке и реализации программы комплексной страховой защиты рабочих, служащих и членов их семей с использованием различных видов страхования.

● Подробнее ознакомиться с условиями страхования и оформить договор можно в районной инспекции Госстраха.

Госстрах РСФСР